

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 123, декабрь 2024

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ УПАДОК

Глядя на результаты американских выборов, либеральная пресса либо ошеломлена, либо просто отказывается верить своим глазам. Не хватило ни поймать Дональда Трампа за руку при штурме Капитолия, ни посадить его на скамью подсудимых и даже осудить за его одновременно мерзкие и абсурдные дела. Чопорная *Financial Times* предлагает переписать историю императора Калигулы, который сделал сенатором своего коня. *Дональд*, как пишут, вернулся ещё и со своей «бандой мстительных хулиганов».

Слишком много эмоций или, наоборот, подавленности; стоит вернуться к Марксу, мастеру не только научного метода «Капитала», но и анализа политической нищеты буржуазного общества.

«С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»¹, – писал Карл Маркс Людвигу Кугельману 17 апреля 1871 года. Маркс имел в виду лидеров Парижской коммуны, но эта схема материалистического анализа подходит и для анализа борьбы господствующего класса. Что касается случая Трампа, то тут мало что можно добавить к тому, что было очевидно ещё восемь лет назад, во время его первого президентского срока, когда американский упадок и присущие ему нарушения равновесия, породившие массовые обиды, усиленные к тому же *телевизионной демократией*, вызвали своего рода короткое замыкание.

Магнат недвижимости с хорошо подвешенным языком, продавец квадратных метров «новым богатым» Нью-Йорка, исполнитель роли самого себя в фальшивом мире реальности-шоу, где он без предупреждения «увольнял» участников повелительным жестом руки, создавая себе образ успешного капиталиста, окружённого роскошью своих Трамп-Тауэр и казино, а также кичащегося своей дурной славой покорителя женщин.

По мнению Фридриха Энгельса, Луи Бонапарт, скитавшийся по Европе авантюрист средней руки, готовился к роли французского императора Наполеона III, «подобно тому как классический образец буржуа – американец – рядом подлинных и фиктивных банкротств готовит себя в миллионеры»².

Четырежды обанкротившийся перед тем, как стать президентом США, миллиардер Трамп ещё лучше подходит под этот портрет, разве только нужно добавить, что телевидение и система «звёзд», коммерциализация знаменитостей, бла-

годаря чему он и стал *брендом*, создали готовый продукт для эпохи *политического шоу и телевизионной демократии*.

Его сравнивают с Рональдом Рейганом, бывшим голливудским актёром, и Сильвио Берлускони, также миллиардером, дельцом в сфере недвижимости и телевизионным магнатом. Однако эти сравнения поверхностны, они, если воспользоваться словами Маркса из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», скрывают сущностное различие «условий» и «обстоятельств»³, которые сделали возможным случай Трампа. Речь идёт о фазах американского упадка. В 80-е годы первые признаки упадка уже стали фактом, но только по отношению к Европе и Японии. Ответ на него – начало цикла империалистического либеризма – ещё мог характеризоваться *рейгановским оптимизмом*, который подпитывался налоговыми льготами и дерегулированием.

Аполитичный «ломбардизм» Берлускони, его нетерпимость к хлопотному наследию предыдущего цикла государственного капитализма позволили ему считать себя выразителем этой либеральной и либеристской энергии и в 90-е, и в начале 2000-х годов, заплатив за это определённой двусмысленностью по отношению к европейскому *внешнему принуждению*, которое сдерживало итальянское нарушение равновесия.

Новый век открылся катастрофической картиной 11 сентября, предвещавшей фазу немислимой ранее уязвимости Америки. Вступление Китая в ВТО, Всемирную торговую организацию, стало *зенитом* цикла империалистического либеризма, который именно благодаря китайскому рынку принёс огромные прибыли американским, европейским и японским капиталам. Вместе с тем, однако, на сцену вышел экономический и стратегический соперник гигантских размеров, гораздо более опасный, чем соперники-союзники, такие как Европа и Япония.

«Война по выбору» 2003 года против Саддама Хусейна была попыткой предотвратить проникновение Китая в *энергетическую артерию* Персидского залива, но в конечном счёте ускорила его восхождение. Кризис 2008 года, именно *кризис глобальных отношений*, не только поставил точку в тридцатилетнем цикле *либеристской глобализации*, но и обозначил переломный момент в семидесятилетнем цикле послевоенного развития.

К непосредственным последствиям кризиса – реструктуризации, децентрализации производств, краху рынка недвижимости – добавились все реальные или кажущиеся факторы социальной неуверенности, которые вновь пробудились и усилились в ходе *кризиса пандемии столетия* в 2020 году: страх перед снижением социального статуса, страх остановки накопления собственности, страх старения,

миграционные коллизии, а также ощущение заброшенности провинции по отношению к глобализованным мегаполисам. Отсюда *электоральные восстания* в Европе и Америке, а также характер десятилетий 2010-х и 2020-х годов: *оптимизм*, присущий старому циклу, сменился *страхом и озлобленностью*, которые в свою очередь раздуваются телевизионным рынком в гонке за рейтинги.

Трамп не может быть Рейганом, как не может он быть Берлускони. Чтобы это стало ещё яснее, можно указать на ещё одну деталь его *политического случая*. В бурные 80-е годы он уже был миллиардером, но второго поколения, преследуемый тенью отца. Став строительным магнатом в Бруклине, он хотел доказать, что преуспееет и на Манхэттене, но оказался лишь почти карикатурным *парвеню*. Его строительные проекты сталкивались с противодействием городских властей – отсюда неприязнь к политикам и регламентам, которые он воспринимал как оскорбление своей предпринимательской изобретательности. Обанкротившись в результате мегаломанской авантюры с казино в Атлантик-Сити, он оказался в долгу перед банками, но те же самые банки загнали его в угол. Отсюда его неоднозначное отношение к Уолл-Стрит и крупным финансам.

Это сочетание амбиций и разочарования, блеска и обид, делает его созвучным новым временам. Рейган и Берлускони имели «солнце в кармане», а Трамп – *озлобленность*. Люди, знакомые с ним ещё по его предвыборной кампании 2016 года против Хиллари Клинтон, пишет Боб Вудворд в книге «*Fear*» («страх»), рассказывают, что он избражал миллиардера-харизматика, но «в то же время создавал впечатление, что он – обычный человек, сидящий в баре и возмущающийся телевизионным новостям». По словам же Хиллари, в его профессионально подготовленных, как и подобает политике, речах, «даже правда выглядела ложью».

Тем не менее, следует ещё упомянуть о непредсказуемых аспектах *баланса сил* в Вашингтоне и того, как может сложиться *генеральная линия* крупных групп и фракций капитала. Остаётся ключевой вопрос: как сильно повлияет *случай* Трампа на «ускорение» и «замедление» американского упадка?

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 33. С. 175.
2 – Там же. Т. 21. С. 428.
3 – Там же. Т. 8. С. 125.

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ УПАДОК.....	стр. 1
Новый американский национализм: между войной экономической и настоящей	стр. 2-3
Вашингтон берёт в руки оружие газа и нефти.....	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Политический кризис в Берлине в ожидании Большой коалиции.....	стр. 5
Амбиции и сомнения на оси Москва – Пекин	стр. 6
<i>Российские хроники</i>	
Тормоз военной машины Кремля	стр. 7
<i>Выборы в США</i>	
Битва с абсентизмом.....	стр. 8
Бразилия и «равнение на все стороны»	стр. 9
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Китай и Индия открываются в ожидании Трампа	стр. 10
Правительство меньшинства в Токио.....	стр. 11
ООП – заложница арабского национализма и нефтемонархий.....	стр. 12-13
<i>Крупнейшие группы России в 2023 году</i>	
Неравномерное влияние войны.....	стр. 14-15
Народ и миллиардеры	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Парижский наблюдательный пункт

Межклассовая драматургия крестьянской жакации.....	стр. I
Политическая непредсказуемость усиливается.....	стр. II
Сражения за государственные расходы	стр. III
Европейский совраизм в долг.....	стр. IV

Новый американский между войной и экономикой

(начало на стр. 1)

Уолтер Рассел Мид давно взял на себя задачу на страницах *Wall Street Journal* объяснить стратегическую логику *трампизма*, связывая его с историческими корнями американской политической культуры.

Накануне выборов он написал, что ни один из кандидатов – ни Дональд Трамп, ни Камала Харрис – не продемонстрировали, по его мнению, «сочетания дипломатической ловкости и стратегического видения», которого требует нынешняя геополитическая ситуация, а «Рах Америка стремительно сходит на нет». Но не политики «сделали Америку великой». «Ясность мысли» и «дипломатическое мастерство» никогда не были сильными сторонами США; в Европе смеялись над «грубоватыми президентами» и «неуклюжими дипломатами» Вашингтона: «Секрет успеха Америки никогда не заключался в превосходстве наших технократов, честности и прозрачности нашей политической системы или в безупречной эффективности нашей государственной машины. Дух и мощь турбулентного и почти неуправляемого общества вели нас вперёд. Разрушительные инновации и порой эксцентричные политические идеи титанов промышленности и финансов, начиная с эпохи «коммодора» Корнелиуса Вандербильта и заканчивая Илоном Маском, сделали больше для успеха Америки, чем любая большая политическая идея, выработанная в стенах Гарварда».

Это явная отсылка к эпохе баронов-разбойников конца XIX – начала XX века, которых сегодня можно сопоставить с технологическими магнатами в области информационных технологий, аэрокосмических технологий или добычи нефти и газа методом гидроразрыва (фрекинга). В отличие от Европы, которая ориентирована на регулирование, и этиатистского Китая с его упором на планирование экономики, США, по мнению Мида, предоставляют идеальные условия для новых технологий и предпринимательских инициатив благодаря природному «оптимизму» американского практицизма, — вспомним о Рейгане как воплощении американского «морального фактора», — а также «хаотичной» и «прощающей многое» правовой системе, которая противостоит «промышленной политике».

В эссе для *Foreign Affairs* по другому случаю Мид изложил, казалось бы, противоположную позицию, что необходимо вернуться к «гамильтоновскому искусству управления», то есть сочетать продвижение американской промышленности, «патриотизм» и «просвещённый реализм» во внешней политике, которые и были характерны для «прагматизма» Александра Гамильтона, действительного творца первой федеральной централизации. Центральная идея Мида заключается в том, что «либеральный и глобалистский консенсус» рухнул, а «геополитическая конкуренция вернулась в центр мировых дел». Растёт важность взаимозависимости между бизнесом и государственной властью, а экономическая политика становится «стратегией».

В 1990-х годах, в «упоительные дни однополярности», последовавшие за распадом СССР, многие компании Уолл-Стрит и Кремниевой долины «начали воспринимать себя как глобальные, а не американские». Но сегодня эта «либеральная

утопия» шатается под ударами, будь то государственное вмешательство в Китае или «правовые и нормативные барьеры», выставленные Европой против высокотехнологических компаний. Отсюда ключевая роль «нации и национальных чувств»; гамильтонианцы «поняли, что патриотизм придаёт американским компаниям легитимность, без которой их будущее оказывается неопределённым». И ещё: «Это патриотизм предпринимателей как класса, который в конечном итоге защищает их собственность и их жизни»; если же они станут глобалистами и «не будут чувствовать особых обязательств перед американским народом, то почему американский народ должен поддерживать эти компании от нечестной конкуренции со стороны иностранцев?»

Рассмотрим три аргумента из тезисов Мида, столь точно отражающие состояние американской идеологии, поскольку они помогают понять коалицию групп и фракций, собирающуюся вокруг президентства Трампа. Первый момент – это динамичность, которую американская деловая среда может предложить местным стартапам и технологическим группам. Европа же, как «регулирующая держава», утверждает тот же Мид, «отстаёт на двадцать лет». Здесь показательны примеры применения фрекинга при добыче ископаемого топлива и бизнеса Маска в высокотехнологиях, и о них мы пишем в других статьях. За несколько лет новые группы и методы добычи сланцевых углеводородов сделали США ведущей мировой державой в области ископаемого топлива, на неё приходится 20 % мировой добычи нефти и 25 % газа. Эти группы с самого начала поддерживали Трампа в его политике либерализации бурения. Маск создал компании в области электронных платежей, электромобилей и космических запусков для телекома. Он, похоже, стал органичной частью президентства Трампа, поддерживая программу дерегуляции и сокращения госрасходов.

Чтобы приглушить либерально-американистские акценты, расставленные Мидом, отметим, что ракетные инициативы SpaceX и Starlink были бы невозможны без государственных заказов, а производство Tesla наполовину зависит от работы завода в Шанхае. По подсчётам *The Economist*, 10 % персонального богатства Маска связано с государственным финансированием, а 15 % – с китайским рынком.

Другой важный тезис Мида – усилившаяся роль государства в поддержке и защите крупных американских корпораций, которым предложили присоединиться к новому курсу экономического национализма. В начале предвыборной гонки мы ожидали, что, как только возвращение Трампа станет неизбежным, «можно будет наблюдать, как крупные группы пойдут на компромисс, чтобы воспользоваться ситуацией или по крайней мере не пострадать»¹. Именно это сейчас и происходит. Некоторые голоса связывают результат выборов с расколом между старой и новой промышленностью, между местным предпринимательством и крупными глобализированными компаниями. Возможно, это было верно на ранних этапах президентской кампании, но это

не объясняет происходящее выравнивание. Больше попадает в точку, как кажется, синтез Марио Драги, согласно которому новая администрация будет продвигать инновационные группы и защищать традиционные, сочетая дерегуляцию и государственные заказы внутри страны с тарифными барьерами во внешней торговле.

Показательным является и то, что мнение Мида разделяет даже *The Economist*, хотя и не абсолютизирует опасения, что исполнительная власть окажется под исключительным влиянием частных интересов, вроде интересов Маска. И действительно, не первый раз в Америке магнаты получают «огромное влияние»: в XIX веке «в экономике доминировали бароны-разбойники, такие как Джон Д. Рокфеллер, а в начале XX века, когда не было Федеральной резервной системы, Джон Пирпонт Морган единолично выступал в роли Центрального банка».

The Economist также считает «ошибкой» недооценивать план DOGE по сокращению федеральных расходов на 2 трлн долларов. Конечно, нелепо полагать, что оно случится в течение одного года, но за десятилетие это «вполне осуществимо». С другой стороны, дефицит бюджета в 6 % ВВП и федеральный долг на уровне 100 % действительно «невыносимы».

Катастрофическое состояние дефицита и долга – а дела настолько плохи, что говорят уже об «итальянской болезни» американских государственных финансов, – подводит нас к третьей проблеме, упомянутой Мидом, а именно к упадку. Среднесрочная и долгосрочная тенденция к относительному упадку Америки и Европы является неизбежной, учитывая растущие экономические масштабы Китая, демографический потенциал которого ещё способен преобладать в экономической силе. Это продемонстрировало сражение в автотроле и завоёванная китайской индустрией доля мирового промышленного производства, приближающаяся к трети. Стратегические последствия этого демонстрирует кризис порядка и цикл перевооружения. Как мы уже видели, национализм Мида также исходит из того, что *Rax America* исчезает.

Отсюда встаёт вопрос, в какой степени снижение контроля за новыми развивающимися технологическими группами, завоёванные позиции на рынке ископаемых источников энергии и, в то же время, протекционистские меры и разворачивание *промышленной политики* смогут противостоять тенденциям к американскому упадку. По сути, экономический национализм, провозглашённый Трампом, является заявлением о вступлении в борьбу.

Как пишет Боб Вудворд в книге «*Fear*», сторонники MAGA («*Make America Great Again*») обвиняют старый истеблишмент, как демократический, так и республиканский, именно в том, что они покорно согласились «управлять упадком».

Один из фронтов контрнаступления будет трансатлантическим. Поскольку упадок является *атлантическим*, то есть затрагивает как Америку, так и Европу, можно предположить, что одной из целей борьбы будет перераспределение издержек этого упадка между США и ЕС. И действительно, в плане Драги акцент делается скорее на американ-

скую угрозу, чем на китайскую. Также напомним о прецеденте 2003 года, развернувшись на сугубо военно-стратегической почве вокруг гарантий функционирования энергетической артерии Персидского залива в контексте восхождения Китая. В итоге цена войны в Персидском заливе легла в основном на плечи Европы, а не Китая. Пекин продолжил двигаться своим путём, включая перевооружение, и сегодня вновь пришёл на Средний Восток, играя роль посредника между Тегераном и Эр-Риядом; ЕС в вопросе стратегической автономии потерял двадцать лет.

Цели нового американского национализма ставят два вопроса. Действительно ли администрация Трампа готовит экономическую войну в том числе и против союзников, как это предвещают планы тарифного протекционизма? И какая будет линия США в войнах кризиса порядка, учитывая, что пропаганда MAGA обвиняет военный интервенционизм старого истеблишмента в том, что он зря растратил ресурсы Америки за рубежом и понапрасну принёс в жертву жизни тысяч солдат?

На первый вопрос пока нет ответа, нужно дождаться начала работы новой администрации. Первый шаг, связанный с введением пошлин, практически неизбежен, и он затронет Китай, Мексику и Канаду в рамках НАФТА, а также Европейский союз, не считая введение универсального тарифа.

Менее очевидна разница между угрозой развязать экономическую войну и её реализацией. Трампу приписывают «деловой» подход, обусловленный его опытом в сфере недвижимости: обо всём можно договориться. С одной стороны, по отношению к Европе и Японии на политико-стратегическом уровне это ставит под вопрос стабильность союзов. В Токио и европейских столицах обсуждаются контрмеры на случай, если Америку начнёт разворачивать, и первый ответ уже найден – перевооружение.

С другой стороны, в экономическом и торговом плане «деловой» подход оставляет открытым путь к компромиссу и даже позволяет предполагать, что наиболее ультимативные требования могут оказаться лишь частью переговорной драматургии. Намеченный на пост секретаря казначейства США Скотт Бессант, как сообщает *Wall Street Journal*, заявил даже, что Трамп, по его мнению, «в конечном итоге является либеристом», а тарифы – это «эскалация для дезэскалации», то есть переговорное оружие. Или же это шантаж, чтобы получить уступки в других областях: например, и в Европе, и в Азии обсуждают увеличение закупок американского СПГ, чтобы избежать протекционистского давления. Кроме того, Бессант предложил политику, названную «3-3-3»: сократить бюджетный дефицит до 3%; обеспечить рост ВВП на 3% за счёт дерегуляции; увеличить добычу нефти на 3 миллиона баррелей в день. Если план Бессанта будет утверждён, то его можно будет использовать в качестве количественных критериев *контртенденций против упадка*, ориентированных скорее на внутреннюю динамику, ископаемые ресурсы и дисциплину в области бюджета, чем на пошлины. Не всех назначенцев Трампа следует относить к «мстительным хулиганам», и

НАЦИОНАЛИЗМ: ЧЕСКОЙ И НАСТОЯЩЕЙ

даже *The New York Times*, решительно поддерживавшая Камалу Харрис, начала проводить осторожные различия.

Второй вопрос, касающийся настоящей войны, требует более широких размышлений о специфической связи между мировым циклом и войнами кризиса порядка. Это один из вопросов, который глубже затрагивает перспективы и политические революционные задачи ориентации нашего класса. На протяжении всей эволюции революционной стратегии, от её первых шагов до зрелости, главной её линией была оценка цикла капиталистического развития в отношении классов и государств, так что каждое сражение, каждая стратегическая фаза имели свою связь с развитием, кризисом и войной, с их конкретными стратегическими и политическими последствиями.

Стратегия Маркса и Энгельса в XIX веке, в эпоху буржуазного подъёма, основывалась на использовании национальных войн и демократических революций в Европе. Для Ленина, в новом цикле начала XX века, уже стоял вопрос об империалистической войне. «Полоса национальных войн прошла», заявляет он 1(14) октября 1914 года, выступая с рефератом в Лозанне: «Перед нами война – империалистическая, и задача социалистов – превратить войну “национальную” в гражданскую»². Вне Европы, в Индии и Китае, ситуация была иной: там обретение национальной независимости и демократические буржуазные революции ещё не были завершены, поэтому «национальная война» была «прогрессивной» и требовала поддержки – так же, как для Маркса в 1848 году, когда, чтобы добиться демократического объединения Германии, он рассчитывал на революционную войну, сбросившую бы ярмо феодальной и абсолютистской России.

В послевоенные 1950-е годы, когда вновь открывался цикл глобального капиталистического развития, Арриго Черветто в “Тезисах” 1957 года заключил, что благодаря этому развитию всеобщий кризис и империалистическая война ещё долгое время не будут стоять в повестке дня. Следовало ожидать частичных кризисов и ограниченных войн, в частности национальных войн за колониальную независимость, которые, вслед за вновь найденной ленинской стратегией, должны были получить поддержку революционного пролетариата.

В конце 1960-х годов завершился и период национальных антиколониальных войн. Последней такой войной, получившей поддержку революционной стратегии, стала попытка объединения Индокитая Вьетнамом, но уже в этом конфликте конкуренция между империалистическими державами начинала становиться преобладающим фактором. В 1969 году в рабочих указаниях для молодёжи, сблизившейся с ленинизмом, говорится, что тактика в отношении этих «локальных войн» сосредоточилась на интернационалистском сражении. Эти войны имели объективные причины в утверждении «национальных капитализмов»; империализм «использует их в конкуренции держав».

Условия мирового цикла изменились с кризисом реструктуризации 1970-х годов; заканчивались послевоенные экономические чудеса, но пространства в новых

зонах, особенно в Азии, смягчали противоречия старых. В новом империалистическом противостоянии, начавшемся в 1980-е годы, державы проверяли взаимное соотношение сил, изменившиеся в ходе реструктуризации предыдущего десятилетия.

Конфликты тех лет мы можем назвать войнами нового противостояния; водоразделом стало вторжение СССР в Афганистан. Военная интервенция Москвы, размышлял Черветто в феврале 1980 года, «добавляет нестабильности в частичное равновесие» в Центральной Азии: «Провоцирует ли оно также нарушение глобального равновесия между великими державами? Достаточно ли вмешательства одной из них в периферийной зоне для нарушения общего равновесия между всеми великими державами? История империализма даёт нам два ответа: иногда интервенция в периферийной горячей точке вызывает глубокое потрясение в глобальном равновесии вплоть до мировой войны, а иногда, напротив, не имеет никакого заметного эффекта».

Два классических примера таких возможных ответов – это «балканские войны», ставшие запалом для мировой войны в 1914 году, и «индокитайские войны», оставшиеся ограниченными региональными конфликтами в Юго-Восточной Азии. Чтобы понять, нарушает ли изменение «частичного равновесия» одной великой державой глобальное равновесие всех великих держав, необходимо «подвергнуть анализу не отдельную точку напряжённости, а все фронты, на которых они действуют»³.

«Может случиться так, что отдельный эпизод окажется классической последней каплей, переполняющей чашу, но только при том условии, разумеется, что она уже заполнена до краёв. Империализм – это глобальный феномен, чаша, полная капель, и в качестве такового его следует и анализировать. Нет империализма частей и секторов, а есть единый империализм, который является единым глобальным целым совокупности факторов, – унитарный империализм. Достижение максимума противоречия, всеобщая война, разрывают его только в тот момент, когда подорвано глобальное равновесие, на котором держится единое целое»⁴.

С 1989 по 1991 годы распад СССР и сопровождавшие его конфликты, с одной стороны, стали завершением нового противостояния 1980-х годов, но, с другой стороны, стали стратегическим разрывом, последствия которого сопоставимы с мировой войной. В этом смысле войны распада СССР, как и войны распада Югославии в 1990-е годы, имеют свою особенность. Мы рассматривали это в последнем томе истории нашей партии, анализируя головоломку кризиса с множеством конфликтов, который имел последствия мировой войны, хотя такой войны и не было.

Историческая рекогносцировка даёт некоторые ответы: конец ялтинского раздела не был мирным, как утверждала господствующая версия; для Москвы война уже была проиграна, учитывая диспропорцию сил с США; крах СССР был непреднамеренным результатом гонки вооружений, начатой Рейганом в ответ на тенденции к многополярности, укреплявшие Европу и Японию. Подводя итог, следует отметить, что нового

позволило открыть падение ялтинского порядка: «“Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо”: возможность крупного разрыва в отношениях держав без открытого военного конфликта, пропорционального этим последствиям, остаётся среди уроков, которые нужно не забывать, упорядочивать и сохранять для марксистской теории»⁵.

Прошло ещё одно десятилетие, и в 2003 году вторую войну в Персидском заливе нужно было рассматривать уже через призму концепций «частичного равновесия» и «глобального равновесия», сформулированных для вторжения СССР в Афганистан. Только теперь, когда Вашингтону понадобилось прямое вмешательство, чтобы предотвратить угрозу со стороны Пекина и сделать предупреждение Европе, капель в чаше было гораздо больше, чем в 1980 году. В новой стратегической фазе, открытой вторжением Китая, этот конфликт становился предвестником кризиса порядка; динамика империалистического развития Китая позволяла понять, что для критического изменения потребуется срок в одно поколение.

Сегодня, когда Китай достиг империалистической зрелости, кризис порядка стал явным. Под порядком здесь имеется в виду система государств и международных институтов, вращавшихся вокруг США и держав расширенного Запада, включая Японию. Войны кризиса порядка вписаны в эти отношения: чаша, полная капель, больше не та, что была в 1980 году, и не та, что была в 2003-м. Таким образом, стратегический цикл, обозначенный в “Тезисах” 1957 года, долгое развитие, которое должно было охватить «отсталые зоны», компенсируя на Востоке противоречия Запада, можно считать завершённым. Теперь именно Китай исходит противоречие, именно Китай заполнил чашу, если ещё не до краёв, то по крайней мере до того уровня, который требует пересмотра старого порядка.

Войны кризиса порядка потенциально могут быть использованы, прямо или по доверенности, для пересмотра старого порядка или для сопротивления этому пересмотру: именно этим определяется напряжённость, которая накапливается между США и Китаем в Южно-Китайском море или вокруг Тайваня. Другие державы также могут считать, что у них есть пространство в кризисе, как, например, в войнах на Украине и на Среднем Востоке.

Национальные войны буржуазного восхождения в Европе, империалистическая война, антиколониальные национальные войны, войны нового противостояния, войны распада СССР, войны кризиса порядка: десятилетие за десятилетием, каждая конкретная ситуация отношений между мировым циклом, кризисом и войной имела решающее значение для господствующего класса и для задач революционной стратегии. Достаточно подумать об интернационалистском сражении против распространения в среде нашего классов ядов национализма и социал-империализма теперь, когда атлантический упадок угрожает подорвать социальный компромисс в старых державах, и когда войны кризиса порядка ближе к балканским войнам, которые открыли путь к 1914 году, чем к региональным войнам в Юго-Восточной Азии 1960-х годов.

Предварительный ответ на вопрос о американском национализме и войнах кризиса порядка следующий: какую бы конъюнктурную позицию не заняла администрация Трампа, общая тенденция глобального противостояния уже определена, и в любом случае новая гонка вооружений не будет остановлена. Но новый американский национализм может сыграть решающую роль как в «замедлении», так и в «ускорении» распада старых отношений, и то же самое касается ответных реакций в Китае, Европе, Японии, России, Индии или Бразилии, если говорить о крупнейших державах. Выживет ли многополярный порядок? Чаша капель наполнится быстрее или медленнее?

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

1 – Атлантические неизвестные величины в войнах на Украине и Газе // Пролетарский интернационализм. № 113. Февраль 2024.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 31–32.

3 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 22.

4 – Там же. С. 22–23.

5 – La Barbera G. Lotta comunista. Il modello bolscevico. 1965-1995. Milano: Lotta comunista, 2006. P. 448.

Степлов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
“Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала”
(из книги: Архив К. Маркса и
Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Вашингтон берёт в руки оружие газа и нефти

29-я Конференция ООН по климату (COP29), прошедшая в Баку (Азербайджан), прошла на фоне снижения поддержки лагеря экологов.

Встречу омрачила победа Дональда Трампа и его программы полного дерегулирования инвестиций в ископаемую энергетику. Значительно дистанцировались от “зелёной” политики и многие нефтяные и финансовые группы, которые ещё в недавнем прошлом использовали знак качества “чистой” энергии. Этот поворот подтвердил в Баку бывший заместитель главы Секретариата ООН по изменению климата Ричард Кинли, осудивший «вероломство и лицемерие мировой индустрии ископаемого топлива, которая становится ещё более наглой».

Маловероятные “зелёные” триллионы

Лицемерие характерно не только для нефтяников. Коалиция Alliance of CEO Climate Leaders, которая может похвастаться общим доходом в 4 трлн долл., 12 млн сотрудников и поддержкой – на бумаге – 700 финансовых учреждений, призывает мобилизовать 6 трлн долл. для финансирования “развивающихся” стран. Сами эти страны запрашивали примерно такую же сумму. “Развитые” страны, столкнувшись с гигантскими долгами, в прошлом году с трудом смогли завершить сбор 100 млрд долл. в виде климатической помощи.

117 боссов крупных групп, подписавших запрос альянса, хотят, чтобы правительства и финансисты поддерживали их производства путём субсидирования покупателей сырья, товаров и технологий. Они жалуются, что из более чем 700 представленных промышленных проектов даже 20 % не нашли финансирования. Промышленники предупреждают, что существует «патовая ситуация между производителями и покупателями»: последние не хотят приобретать товары и услуги без соответствующих субсидий. Марк Карни, бывший глава Банка Англии и финансовый руководитель “зелёной” экономики, сетует, что «декарбонизация отраслей с высоким уровнем выбросов сдерживается неопределённостью относительно масштабов зелёного спроса».

Цикл Греты

Восходящая фаза экологического импульса, начавшаяся в 2015 году с Парижского соглашения, достигла своего пика между 2019 по 2021 годами, главным образом, благодаря инициативе Европы. В 2017 году Трамп вывел США из соглашения. В Европе сформировалось молодёжное движение за “спасение планеты”, получившее широкий отклик в СМИ и поддержку многих крупных европейских промышленных и финансовых групп, а также многих американских групп.

Настоящим же приводным ремнём европейского экологизма была необходимость перезапуска капиталистического цикла, который стагнировал уже десятилетие после мирового финансового кризиса, за счёт мобилизации огромных инвестиций (при поддержке правительства) в электрическую и цифровую модернизацию автотранспорта, в реструктуризацию производства электроэнергии с массовым использованием возобновляемых источников энергии и цифровизацию производственных и административных систем. “Капитал одевается в зелёное”, – прокомментировали мы в декабре 2019 года. После коллапса в трагический 2019 года. После коллапса в трагический 2019 года. После коллапса в трагический 2019 года.

тов в Парижское соглашение в 2021 году при президенте Джо Байдене. Конференция в Глазго (COP26), состоявшаяся в ноябре 2021 года, стала массовым парадом “зелёных миллиардеров”, раскаявшихся нефтяников и загрязнителей среды, а также банкиров, готовых финансировать декарбонизацию и внедрение нетрадиционных источников энергии.

Война и “зелёные” нефтяники

Война, развязанная Россией против Украины в феврале 2022 года, глубоко изменила ситуацию в мировом энергетическом секторе. Российские газопроводы почти полностью выведены из эксплуатации, и в газовую гонку включились Норвегия и Центральная Азия, а также США со своим сжиженным газом. Три последние конференции по климату были перенесены из империалистических метрополий в более экзотические столицы Большого Среднего Востока: египетский Шарм-эль-Шейх в 2022 году, Абу-Дави в ОАЭ в 2023-ем и Баку в этом году.

Независимо от намерений организаторов, эти конференции стали местом, где производители ископаемого топлива, производители “экологически чистой” энергии и их инвестиционные банки заключают хорошие контракты, обмениваясь технологиями и нефтедолларами. Лондонский Chatham House, комментируя бакинскую конференцию, предположил, что цель правительства Азербайджана – «контролировать разговоры о глобальном энергетическом переходе, чтобы запасы нефти и газа страны могли оставаться финансово устойчивыми как можно дольше».

Война навязывает странам-потребителям энергии энергетический баланс, включающий ядерную и водородную энергию, диверсификацию источников и повышение энергоэффективности. Сроки декарбонизации остаются спорными, особенно в части автомобилизации и обновления жилищного фонда, где она затрагивает интересы широких социальных слоёв и представляющих их межклассовых партий.

Сланцевая лихорадка

Мировой энергетический ландшафт начал меняться ещё до войны. В США был принят новый метод добычи нефти и газа – фрекинг, т. е. гидроразрыв подземных пород, который впоследствии был интенсифицирован с помощью горизонтального бурения. Сланцевый газ и сланцевая нефть (или трудноизвлекаемая нефть) – это газ и нефть, добываемые из сланцев с помощью новой системы.

Введение новой производительной силы имело важные последствия. Во-первых, оно привело к переосценке запасов ископаемого топлива в недрах США. По оценкам ВР, доказанные запасы природного газа в США выросли в период с 2000 по 2019 год с 4,8 до 12,6 трлн м³. Доказанные запасы нефти за тот же период увеличились с 30,4 до 69 млрд баррелей.

Во-вторых, Соединённые Штаты стали ведущей нефтегазовой державой. Объёмы нефтедобычи оцениваются двумя способами: в узком смысле (сырая нефть плюс конденсат) и в широком смысле (сырая нефть, конденсаты и сжиженный нефтяной природный газ). В обоих случаях доля США в общемировом объёме удвоилась. Добыча сырой нефти выросла с 7,3 до 15,6 % в период с 2010 по 2023 год. В широком смысле доля США увеличилась с 9,1 до 20,1 %. В 2014 году они сенсационно обогнали Россию и Саудовскую Аравию по

добыче нефти. Что касается газа, включая сжиженный природный газ (СПГ), то доля американского продукта на мировом рынке выросла с 19,5 до 25,5 % в период с 2013 по 2023 год, оставив позади российский газ, который после вторжения России на Украину потерпел окончательное поражение (его доля составляет 14,4 %). Первым европейским ответом на развязывание Штатами энергетической гонки стало заключение в 2015 году соглашения с “Газпромом” о строительстве газопровода “Северный поток – 2”, а в конце того же года – Парижское соглашение по климату.

В-третьих, Америка превратилась из крупного импортёра в крупного экспортёра энергоснабжителей. До 2016 года экспорт американского СПГ был незначительным. В 2023 году его объём достиг 114,4 млрд м³ (21 % мирового экспорта СПГ), превзойдя двух крупнейших конкурирующих экспортёров (Катар и Австралию). В 2022 году американский газ раскрыл свой потенциал в качестве стратегического оружия, заменив российский, подвергшийся остракизму после агрессии Москвы. Европа вдвое сократила импорт трубопроводного газа, а Россия вдвое снизила его экспорт. Это взаимное урезание торговли вдвое становится частью истории газа как оружия войны.

Переход через 25 или 100 лет?

Дэниел Ергин ещё в 2014 году подсчитал, что американский сланцевый газ, оказавшийся на две трети дешевле европейского и на четыре пятых дешевле азиатского, увеличил конкурентоспособность США по отношению к Европе и Китаю. Сегодня, по оценкам Марио Драги, европейские цены в 4–5 раз выше американских. Если это правда, то энергетический аспект европейской конкурентоспособности за 10 лет стал ещё слабее, и не исключено, что этому способствуют цены на американский СПГ, который стоит дороже российского. Недавно Ергин заявил, что самым большим просчётом Владимира Путина в его украинской авантюре была недооценка роли сланцевого газа как геополитического стабилизирующего фактора. Он повысил устойчивость европейской коалиции против России. Добравшись до Европы, СПГ предотвратил резкий рост цен перед лицом двух продолжающихся войн (на Украине и на Среднем Востоке), который произошёл во время Войны Судного дня 1973 года.

Энергетическая безопасность, предлагаемая европейцам, также может заинтересовать и тихоокеанских союзников США – Японию и Южную Корею. Можно спорить о том, является ли та энергетическая безопасность, которую предлагают Штаты, действительно надёжным решением проблем, или обернётся скорее новой зависимостью для Европы. В качестве своей альтернативы глобальной энергетической безопасности ЕС выбрал возобновляемые источники энергии, которые должны вывести его из эпохи ископаемого топлива. Понятно, что против этого будет возражать Вашингтон – крупнейший в мире производитель и экспортёр ископаемого топлива. Ергин скептически относился к возможности обеспечить затраты на энергетику в мировой экономике в 100 трлн долл. за 25 лет (к 2050 году), в то время как другие энергетические переходы заняли столетия или даже тысячелетия.

Зависимости, взаимозависимость, суверенитет

Там, где в Европе к этой теме подходят системно, как в докладе Драги, ре-

конверсия энергетического сектора становится одним из инструментов достижения стратегической автономии, необходимостью, вытекающей из опыта по крайней мере полувексовых битв за энергию, а не из климатических угроз. В нашем анализе «тройная зависимость» Германии и Европы, возникшая в результате украинской войны, то есть зависимость в области безопасности от США, в области энергетики от России и в области торговли от Китая, была выражением «сети союзов и квазисоюзов» с европейскими партнёрами и другими великими державами империалистической системы.

Ответами на эту «тройную зависимость» должны стать «три области вмешательства [...] с целью возобновить рост», указанные в докладе Драги, и в «три трансформации для будущего Европы». Драги указывает на необходимость «преодолеть разрыв с Соединёнными Штатами и Китаем в инновационных сферах»; на необходимость начать декарбонизацию экономики при условии, что она должна быть совместима с обеспечением конкурентоспособности; наконец, на необходимость «повышения безопасности и уменьшения зависимостей». Драги поясняет, что эти «зависимости» на самом деле являются результатом «десятилетней глобализации, [которая] привела к высокому уровню “стратегической взаимозависимости” между основными экономиками».

“Зелёная” Европа и бурящая Америка

Международное энергетическое агентство (МЭА) публикует некоторые данные об инвестициях в реструктуризацию электроэнергетики, ища поводы для оптимизма. По оценке МЭА, в 2023 году глобальные инвестиции в энергетические технологии и инфраструктуру достигли 3 трлн долл., и примерно 2/3 этого капитала будет использовано в “экологически чистой” энергетике, в то время как в ископаемую энергетику будет инвестирована лишь треть. Определение МЭА “чистой” энергии является широким и включает возобновляемые источники энергии, ядерную энергию, ископаемое топливо, обработанное системами декарбонизации, водород, аммиак, аккумуляторы, электрические сети. В 2024 году Китай станет крупнейшим инвестором в чистую энергетику с 680 млрд долл., за ним следует ЕС с 370 млрд долл. и США с 300 млрд долл. Соотношение инвестиций в “чистую” и ископаемую энергетику в трёх державах следующее: в Европе 10 к 1, в США 1,4 к 1, в Китае 3,2 к 1. Судя по этим данным, Европа движется быстрыми темпами, но по абсолютному объёму инвестиций всё же отстаёт от Китая. В Соединённых Штатах объёмы инвестиций по обоим направлениям идут рука об руку, и администрация Трампа, имеющая крепкие связи с компаниями-добытчиками сланцевой нефти, попытается придать бурению новый импульс.

Реструктуризация электроэнергетики может замедлиться, но электрическая автомобилизация в Европе должна будет продолжаться, иначе разрыв с Китаем станет непреодолимым. Вместо этого вероятно ускорение цифровой реструктуризации, связанное с инвестициями в искусственный интеллект и ростом расходов на вооружение.

Европейские хроники

Политический кризис в Берлине в ожидании Большой коалиции

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США 5 ноября вызвала в Европе дискуссии о будущем трансатлантических отношений и призывы к укреплению стратегической автономии ЕС.

Позиция нового президента США, партия которого победила также в Сенате и Палате представителей, контрастирует с явной слабостью европейцев. В то время как лидеры европейского популизма празднуют победу Трампа и уже мнят себя его привилегированными собеседниками, в Брюсселе утверждение нового состава Еврокомиссии фон дер Ляйен произошло лишь благодаря парламентским играм; в Париже после досрочных выборов в июне-июле правительство Барнье, хотя и пришло к власти, но находится в шатком положении; в Берлине 6 ноября распалась трёхпартийная правительственная коалиция.

Досрочные выборы в Германии

Ключевой причиной распада коалиции лежат очень разные взгляды её участников на экономическую и фискальную политику, которая была бы способна оживить немецкую экономику, находящуюся в застое с 2022 года и даже испытавшую рецессию в 2023 и 2024 гг. По мнению мюнхенского Института экономических исследований IFO, Германия увязла в кризисе, вызванном структурными факторами, такими как «декарбонизация, цифровизация, демографические изменения, пандемия Covid, шоковые изменения цен на энергоносители и меняющаяся роль Китая в мировой экономике». Эти изменения сказываются на Германии даже больше, чем на других странах, потому что их последствия ощущаются в производственном секторе и, прежде всего, в энергоёмкой промышленности, чей относительный вес в экономике в Германии больше, чем где-либо ещё (IFO «Konjunkturprognose», 5.09.2024). Кризис Volkswagen стал символом этой ситуации, концентрацией всех циклических и структурных факторов стагнации немецкой экономики: концерн угрожает закрыть 3 завода в Германии и уволить до 30 тыс. сотрудников.

Социал-демократы и «Зелёные» выступают за более интервенционистскую промышленную политику, в том числе посредством субсидий, которые помогли бы некоторым ключевым отраслям промышленности осуществить энергетический и цифровой переходы. Либералы из СвДП, напротив, вместо субсидий для нескольких избранных компаний

требуют снижения налогов и сокращения бюрократии для всех. Канцлер Олаф Шольц (СДПГ) и министр экономики и проблем климата Роберт Хабек («Зелёные») неоднократно заявляли, что, чтобы обеспечить финансовую помощь промышленности, они готовы пересмотреть «долговой тормоз». Речь идёт о правиле, включённом в Основной закон в 2009 году, которое вводит лимит на бюджетный дефицит на уровне 0,35 % ВВП без учёта циклических эффектов. Министр финансов Кристиан Линднер (СвДП) категорически отвергает их вариант и считает, что, дабы снизить налоговое бремя и стимулировать экономический рост, необходимо сократить социальные расходы.

Когда в конце 2023 года Конституционный суд в Карлсруэ постановил, что перенаправление 60 млрд евро неиспользованной пандемической помощи в фонд климата и переходного периода является неконституционным, никаких бюджетных уловок больше не осталось, и утаивать разногласия внутри коалиции более не было возможным. Поскольку экономическая стагнация продолжалась, опросы предсказывали поражение трёх правящих партия на федеральных выборах, первоначально запланированных на сентябрь следующего года. На этом фоне напряжённость вокруг бюджета на 2025 год достигла своего пика, и 6 ноября канцлер объявил об отставке министра финансов. Так закончила своё существование «светофорная» коалиция, пришедшая в правительство в 2021 году. Досрочные выборы назначены на 23 февраля.

Аромат GroKo

Основной темой предвыборной кампании на текущий момент являются вопросы о долге и экономической политике. Шольц, призывая к реформе долгового тормоза, ссылается на украинскую войну. Хотя ХДС всегда отстаивала это ограничение, в середине ноября председатель партии Фридрих Мерц заявил о готовности реформировать его при определённых условиях. ХДС/ХСС, согласно опросам, одержит победу на выборах и в этом случае сможет создать Большую коалицию (Grosse Koalition, GroKo), взяв в качестве младшего партнёра СДПГ. Le Monde аплодирует отмене «табу» на рост долга, поскольку рассматривает этот запрет как «один из тормозов на пути к перезапуску Старого континента» (16 ноября). Германия, на долю которой приходится около 1/4 ВВП ЕС и которая имеет один из самых низких уровней госдолга (63 % ВВП), явно получит здесь широкие возможности.

Патрик Сен-Поль из Le Figaro выражает иную точку зрения, более критичную в отношении Германии. Он резюмирует деятельность Шольца как «три потраченных впуса года для Германии и Европы». Канцлер, который «не упомянул Францию» в своей речи о Zeitenwende, «смене эпохи», «понял всё неправильно». Однако, отмечает Сен-Поль, «в отличие от Франции, Германия остаётся управляемой» (13 ноября). Фактически у немецкой буржуазии на руках есть одна карта, которой нет у французской, — это наличие «плана Б», подготовленного на случай падения правительства.

Англо-германское «Соглашение Тринити-Хаус»

Возможно, статья Le Figaro отражает напряжённость, сопровождающую

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ

«С возвращением Дональда Трампа в Белый дом Европе придётся вносить всё больший вклад в собственную оборону. [...] Срочно необходимы дискуссии о расширении сотрудничества между вооружёнными силами, в любой форме. Точно так же, как и дискуссия о будущей европейской ядерной стратегии на случай, если Соединённые Штаты отзовут свой ядерный зонтик. Европа медленно пробуждается от глубокого сна».

ptс», редакционная статья от 13 ноября, Голландия.

«Это конец американского цикла — цикла сверхдержавы, открытой и вовлечённой в мир, которая стремилась утвердиться в качестве демократического образца [...]. У европейцев справедливо остались плохие воспоминания о первом сроке Трампа. Второй будет ещё более опасным в условиях, когда на их континенте бушует война [...]. Избиратели Дональда Трампа выбрали его с полной ответственностью [...]. Остальной мир пострадает от этого».

Le Monde, редакционная статья от 7 ноября, Франция.

«Помимо внутреннего структурного кризиса, немецкая экономика сейчас сталкивается с геэкономическими потрясениями: избрание Дональда Трампа знаменует собой конец глобализации, какой мы её знаем, и немецкая промышленность, сильно ориентированная на экспорт, затронута этим, как никто другой».

Handelsblatt, главный редактор Себастьян Маттес, 8 ноября, Германия.

«В течение четырёх лет [...] у крупнейшего политического и экономического союзника Европы будет президент, движимый собственными интересами и мало обращающий внимания на альянсы. [...] Если Трамп заставит Украину прийти к соглашению с Москвой, [европейцам] придётся иметь дело с зазнавшимся Владимиром Путиным. Им нужно быстро начать брать на себя большую ответственность по защите континента. Европейская экономика должна стать более динамичной и конкурентоспособной и менее зависимой от связей с Вашингтоном и Пекином. [...] Благодаря недавнему 400-страничному докладу Марио Драги у ЕС также есть готовый план по стимулированию роста и конкурентоспособности. [...] Но европейским лидерам придётся найти волю для его реализации и способы выделения дополнительных 800 миллиардов евро в год, рекомендованных Драги».

FINANCIAL TIMES, редакционная статья от 14 ноября, Великобритания.

«Угроза Дональда Трампа ввести 20-процентные пошлины на импорт вызвала призрак торговой войны между Соединёнными Штатами и ЕС, побочный ущерб от которой в конечном итоге затронет и Соединённое Королевство. Тем не менее свобода манёвра, которую даёт Брексит, может оказаться преимуществом. Более тесное сближение с ЕС в некоторых секторах не должно исключать попыток заключения торгового соглашения с США. [...] Во всё более непредсказуемом мире Соединённое Королевство сталкивается не только с рисками, но и с возможностями».

THE TIMES, редакционная статья от 16 ноября, Великобритания.

изменение стратегических пропорций между Парижем и Берлином, уже проанализированное нами на страницах этой газеты («Кризис и изменения в рейнской оси», июль 2024; «Берлин и Париж обсуждают европейское сдерживание», июнь 2024). Мы писали о том, как Шольц добился значительного прогресса в стратегических вопросах, не поднимая при этом лишнего шума. Германия стала более авторитетной в области сдерживания благодаря своим инициативам по противоракетному щиту (ESSI) и разработке ракет большой дальности с возможностями глубокого нападения (ELSA).

Когда новое правительство Стармера пришло к власти в Лондоне, мы также рассматривали возможность того, что там установится некая линия британского прагматизма по отношению к Европе, которая могла бы привести к возобновлению «Тихого альянса» («Stille Allianz») между Соединённым Королевством и Германией и перезапустить тем самым трёхстороннюю динамику между Парижем, Лондоном и Берлином. Именно это и произошло 23 октября с подписанием англо-германского соглашения о безопасности, известного как «Соглашение Тринити-Хаус» («Trinity House Agreement»). Уже в конце августа по случаю визита Кира Стармера в Берлин лондонская The Times намекнула, что между Соединённым Королевством и Германией ведутся переговоры о новом договоре безопасности, который, по сути, станет аналогом Ланкастерского соглашения между Великобританией и Францией. Газета полагает, что такой англо-гер-

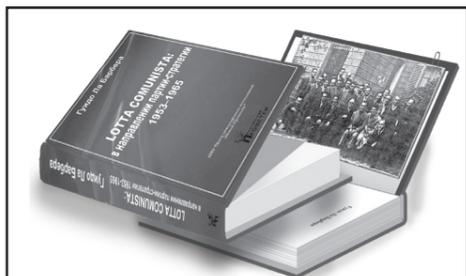
манский договор «закрепил бы изменения, вызванные вторжением [России] в Украину, так что Германия превратилась бы в полноценную европейскую военную державу наряду с Францией и Соединённым Королевством» (29 августа).

Национальное или европейское восстановление?

При отсутствии сюрпризов на выборах досрочные выборы в Германии могут превратить кризисную ситуацию в сердце Европы в фактор, который придаст стимул промышленности и изменит баланс в долговом вопросе. Ещё неизвестно, в какой степени этот поворотный момент останется на национальном уровне, а в какой — затронет Европу в целом, как это предполагают рекомендации доклада Драги.

В этой связи внешнеполитический обозреватель Frankfurter Allgemeine Zeitung Николас Буссе сформулировал 8 ноября мысль, которая широко распространена среди немецкой буржуазии, но редко высказывается вслух: «Одним из многих изменений, которое должно будет осуществить следующее правительство, является новая европейская политика. Это не означает, что мы должны «укрепить» институты Брюсселя, как мы часто слышим. Еврокомиссия не является правительством. Германия должна вернуться к более активной деятельности в ЕС, и для этого она должна сначала снова стать сильной в политическом, экономическом и, прежде всего, в военном отношении».

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении
партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Амбиции и сомнения на оси Москва – Пекин

Ежегодный саммит БРИКС, 16-й с момента основания группы, прошёл в октябре в Казани. Впервые помимо начальных членов (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) на встрече присутствовали новые участники: Египет, Эфиопия, Объединённые Арабские Эмираты и Иран. С учётом приглашённых, согласно данным организации, участие приняли представители 35 стран.

Не-Запад в Казани

Политически наиболее значимым моментом саммита, безусловно, стало то, что он прошёл в России. Это дало президенту Владимиру Путину возможность заявить, что, несмотря на войну и санкции, Москва не находится в изоляции. Этот факт отметили и международные СМИ, подчас с сожалением.

По сути, «Казанская декларация», как её интерпретируют Андрей Кортунов из Росийского совета по международным делам (РСМД) и Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований при Фуданьском университете, подтверждает, что БРИКС «движется на двух ногах» («Гуаньча», 27 октября). С одной стороны, она требует реформ существующих международных институтов, таких как МВФ и ВТО, с другой – работает над созданием новых механизмов, которые, однако, должны не «заменить существующий международный многосторонний механизм», а скорее адаптировать его под нужды развивающихся стран, например, в вопросах роли доллара и других национальных валют. Как отмечают многие комментаторы, речь идёт о странах, не относящихся к Западу, но и не являющихся обязательно антизападными.

Несомненно, что Россия и Китай, по крайней мере на данный момент, являются главными державами группы. На встрече в кулуарах саммита Путин подтвердил, что отношения между ними являются «образцом того, как в современном мире должны строиться отношения между государствами», «сотрудничество носит равноправный, взаимовыгодный» характер. Китайский лидер Си Цзиньпин в ответ подчеркнул, что «обе страны привержены духу вечного добрососедства и дружбы», который незыблем «в условиях невиданной за столетия тектонической трансформации» (сайт Президента России, 22.10.2024).

Тем не менее в размышлениях как российских, так и китайских аналитиков возникают некоторые сомнения по поводу этой вечной дружбы. Они напоминают как об исторических корнях взаимных отношений, так и о различиях в современности, а также опасениях относительно будущего.

Прошлое и настоящее в российско-китайских отношениях

Прошлому посвящена статья Ивана Зуенко из МГИМО, Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации. Он пишет в англоязычной версии журнала «Россия в глобальной политике» (№ 4, октябрь/декабрь 2024), что Москва и Пекин часто по-разному оценивают события прошлого: он перечисляет около пятнадцати подобных эпизодов, начиная с XV века и заканчивая военными столкновениями 1969 года. В России до сих пор довлеют опасения перед «жёлтой угрозой», «страх перед куль-

турной и экономической экспансией Китая», в то время как в Поднебесной всё ещё живёт память о «вреде, причинённом китайским интересам империалистической и колониальной политикой России в XIX и XX веках».

Даже в атмосфере вечной дружбы видят отголоски «века унижений», который Китай отсчитывает от начала опиумной войны 1842 года и до окончания японской оккупации в 1945 году. В основе «китайской мечты» лежит идея реванша, и, вероятно, именно «реванизм становится основой идеологической и патриотической работы». Это «может иметь далеко идущие последствия», поскольку «общественное мнение уже потенциально готово к пересмотру отношений с Россией».

Впрочем, и настоящее заставляет Москву и Пекин расходиться по ряду вопросов. Об этом пишет Чжао Хуашэн в своей статье для РСМД (16 октября). Он выделяет три центральных темы российско-китайского сотрудничества: многополярность, глобализация и новый мировой порядок. По первому вопросу нет явных различий – здесь обе стороны демонстрируют согласие. Уже по глобализации позиции расходятся. Китай быстро интегрировался в глобализованный мир и извлёк «огромные выгоды» для своего быстрого экономического развития, а сегодня уже и для того, добавим мы, чтобы бросить вызов старым державам. Россия же, по словам Чжао, рассматривает глобализацию скорее с политической точки зрения как доминирование западного мира и намерена от этого освободиться. В остальном экономическая интеграция России «не так глубока», а «её положение в международной промышленной цепи довольно незначительно».

Наибольшие расхождения вызывает, однако, центральный вопрос о мировом порядке: Москва в этом отношении демонстрирует «революционный», как его называют, подход, и намерена разрушить существующий порядок и построить новый; Пекин же «под влиянием традиционной для Китая культуры умеренности» более осторожен, «предпочитая постепенность и совершенствование, чтобы сделать мировой порядок более справедливым и честным». Россия, по мнению Чжао, ставит в центр идею «цивилизации», на базе которой можно построить новый многополярный порядок; Китай же «смотрит на будущий мировой порядок как на целостную конструкцию для всех, стремясь к построению холистического мирового порядка», «сообщества единой судьбы для всего человечества». Это инклюзивная модель, уточняет Чжао, которая «также включает и Запад, поскольку в противном случае её нельзя считать инклюзивной». Это «идеалистичное желание», заключает он, но это не означает, что «не нужно стараться двигаться в этом направлении».

Сомнения по поводу «вечной дружбы»

Взгляд на будущее среди российских аналитиков не обходится без беспокойства. Одним из таких голосов является доклад, опубликованный на сайте журнала «Россия в глобальной политике» в июне 2023 года на основе ряда исследований, конференций и аналитических сессий, проведённых факультетом мировой экономики и международных отношений Высшей школы экономики

От Петра к Владимиру

Андрей Кортунов, научный директор РСМД, иногда проводит исторические параллели, в которых нетрудно заметить педагогический подтекст. Его последняя работа называется: «Почему Пётр I не хотел делить Польшу?» (РСМД, 11 октября). Другими словами: говорить о Петре, чтобы Владимир (Путин) понял.

Среди всех западных соседей России в конце XVII – начале XVIII века Речь Посполитая была самой слабой: Пётр I мог бы поделить её со шведами и немцами, но не сделал этого. Почему? По мнению Кортунова, Пётр избежал этого, потому что эти действия «вызвали бы негативную реакцию» со стороны ведущих европейских держав, таких как Франция и Великобритания.

Стратегия Петра, которого Кортунов называет «действительно великим государственным деятелем», была направлена на превращение России в морскую и торговую державу, а не на территориальную экспансию. Это была основная цель всех его сражений: на юге, против турок, им двигало намерение получить доступ к Чёрному морю, а «не стремление вернуть “исконно русские” земли»; на севере – против шведов, она состояла «в сохранении за Россией только минимально возможного свободного выхода на Балтику»; даже в Центральной Азии целью было открытие торговых путей в Южную Азию, а не завоевание новых территорий.

Раздел Польши в конце XVIII века, напротив, пройдёт с участием России при Екатерине II: несомненно, это будет отклонение от осторожной стратегии Петра, но также и вынужденная реакция на давление Пруссии и Австрии, «настойчиво поощрявших реваншистские устремления Варшавы».

Фактом остаётся то, что фрагментация Польши вызвала «быстрый рост антироссийских настроений», что усложнило международные отношения России и привело к усилению «негативного восприятия России в Европе». Кто имеет уши – услышит...

(ВШЭ). Доклад интересен в том числе тем, что его источник сложно упрекнуть в «нелояльности». Руководителем проекта является Сергей Караганов, почётный президент Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), известный своими радикальными взглядами в контексте войны с Западом. Директором программы является также член СВОП и не меньший антизападник Александр Крамаренко. В команде авторов также присутствует Дмитрий Тренин, бывший директор Московского центра Карнеги, ныне закрытого властями.

Тема проекта: «Политика России в отношении Мирового большинства». Авторы исходят из тезиса, который в последние годы получил широкое распространение в Москве: «Нормализация даже в среднесрочной перспективе отношений с большей частью Запада не только невозможна, но и невыгодна, так как будет отвлекать от задачи перестройки российской экономики и общества», процессов, необходимых в подготовке «для существования в остроконфликтном и нестабильном мире ближайших полутора-двух десятилетий». В Москве явно считают, что их ждёт критический двадцатилетний период, к которому нужно готовиться.

Внимание должно быть сосредоточено на «мировом большинстве», при этом учитывая, что это не однородная группа, таков постоянный мотив всех соответствующих исследований: часто упоминаются споры, а порой и реальные столкновения между Китаем и Индией, Индией и Пакистаном, и не только. Москва не должна создавать впечатление, что пытается вовлечь это «мировое большинство» в свой конфликт с Западом.

Подчеркнув, что «подходы РФ и КНР к проблеме изменения миропорядка совпадают не полностью», высказывается важное сомнение: «В долгосрочной перспективе Китай, достигнув стратегической самостоятельности, может частично утратить интерес к отношениям с Россией». Поэтому для Москвы «необходима диверсификация связей со странами Мирового большинства» – внимание, прежде всего, Индии, – а также к нормализации «отношений на западном фланге в той мере, в

какой это будет возможно». Это оставляет определённые лазейки.

Ведущие и ведомые

С точки зрения многих, «поворот» на Восток и Юг представляется для Москвы неизбежным выбором, особенно в условиях, когда Россия прямо вовлечена в войну с Западом; однако, как мы видим, это не может скрыть, что существуют сомнения и настороженность. Важным моментом в этом контексте является тот факт, что отношения с Китаем рассматриваются как партнёрство, а не как союз.

Об этом прямо заявляют два представителя Института Дальнего Востока, Константин Асмолов и Кирилл Бабаев («Россия в глобальной политике», № 3, май/июнь 2024), ссылаясь на Евгения Примакова, основного архитектора внешней политики в последние годы существования СССР и в первые десятилетия независимой России: «одно из основных направлений российской внешней политики должно быть следующим: не заключать союза с Китаем против США и не заключать союза с США против Китая». Вторая гипотеза сегодня не стоит на повестке дня, хотя в Вашингтоне были и такие, кто считал её возможной. Однако, как подчёркивают авторы, союз с Китаем может поставить Россию в рискованную ситуацию, превратив её в «младшего партнёра» Пекина или хуже того. Согласно монографии Института Китая и современной Азии, «в случае создания военно-политического союза, у Китая и России неизбежно возникнет проблема “ведущего и ведомого”, что может обострить существующие разногласия». Именно поэтому Москва и Пекин говорят о «стратегическом партнёрстве», а не о союзе.

С долей иронии Кортунов отмечает, что Китай добился успеха, следуя собственным путём, а не благодаря импорту модели развития из США (CGTN, 22 сентября). Из этого можно сделать вывод: «Ни одной другой стране не следует думать, что она сможет расти, подражая... Китаю».

Российские хроники

Тормоз военной машины Кремля

За десять дней до начала полномасштабного вторжения на Украину идеолог российской “суверенной демократии” Владислав Сурков сокрушался, что «западная граница нынешней России почти буквально совпадает с той линией ограничения», которая была установлена Брестским миром. Неизвестно, был ли он знаком с планами Кремля или просто выражал господствующие настроения правящего класса, но его мысли выглядят провидческими: «Впереди много геополитики. Практической и прикладной. И даже, возможно, контактной». Цель этой геополитики Сурков облекал в идеологию восстановления исторической справедливости: «Мы за мир. Разумеется. Но не за похабный. За правильный» (“Актуальные комментарии”, 15.02.2022).

Карагановщина

Война на Украине идёт уже более тысячи дней. Российский империализм продолжает бороться за “правильный мир”, обновив ядерную доктрину, запуская баллистические ракеты. В этих условиях другой идеолог Кремля, Сергей Караганов, пишет: «Стратегической целью политики [...] на этот период должно являться предотвращение накачивающейся Третьей мировой войны». Добиваться сохранения мира от сползания в катастрофу эксперт-международник давно уже предлагает «укреплением ядерного сдерживания-устрашения» (“Россия в глобальной политике”, 21.11.2024).

В российский культурный багаж прочно вошли такие понятия как: *маниловщина* – бесплодные мечтания; *обломовщина* – деградирующая лень разоряющихся под воздействием развития капитализма помещиков; *каратаевщина* – приземлённый, ограниченный, крестьянский взгляд на мир. Все эти понятия имеют не только смысловое, но и конкретно-историческое содержание. Сегодня нам следует ввести новое понятие: *карагановщина* – это Откровения Иоанна Богослова в эпоху атомной бомбы. Стремление нагнать страха на обывателей и призвать их к покорности. Карагановщина отражает стремление российской империалистической буржуазии сохранить своё место и роль в условиях кризиса мирового порядка вопреки снижению её реального экономического веса.

Торг по-русски

Тем временем украинская авантюра Кремля приобрела черты конфликта, который содержит в себе «элементы глобального характера». Это утверждение российский президент Владимир Путин сопроводил рядом устрашающих заявлений, но в заключение успокоительно произнёс: «Мы всегда предпочитали и сейчас готовы решать все спорные вопросы мирными средствами. Но мы готовы также и к любому развитию событий» (сайт Президента России, 21.11.2024).

Любое развитие событий в нынешней ситуации представляет собой вилку между перерастанием войны в глобальное вооружённое противостояние с участием ведущих империалистических держав с вероятностью применения ядерного оружия и сделкой этих же самых держав с разделом Украины. И здесь открывается пространство для торга.

Сталинские усы

Оружие и дипломатия – две руки внешней проекции Кремля. “Орешник”

и Лавров объединены общей целью и поэтому работают в унисон.

Коллективно работают и мозговые центры Кремля. В то время как Караганов продолжает играть роль злого полицейского и говорить о том, что необходимо «добиться поражения Запада на Украине любой ценой», предупреждая об опасности половинчатых сделок (“Россия в глобальной политике”, 21.11.2024), научный директор РСМД Андрей Кортуннов выступает в роли покладистого служителя порядка и рассуждает о том, что «урегулирование» конфликта в текущих условиях «с неизбежностью должно включать в себя глобальное измерение» (“Известия”, 22.11.2024). Различие тональности не должно вводить в заблуждение, оба идеолога российского правящего класса выросли из сталинской школы *Realpolitik*, в которой ключевое место занимают два акта империалистического раздела: пакт Молотова – Риббентропа и Ялта.

Показательно, что в коридорах Кремля сквозит умеренный оптимизм по поводу победы Трампа на выборах в США. Представляется, что “деловой” подход 47-го президента США предполагает учёт интересов российского империализма.

Сеанс одновременной игры

Что бы ни говорили в Кремле о повороте на Восток, ключевая игра российского империализма разворачивается к западу от его границ.

Старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО Дарья Моисеева обращает внимание на то, что «возвращение непредсказуемого Д. Трампа в Белый дом потребует калибровки трансатлантических отношений, что чревато для ЕС рядом рисков». Самое главное, «находясь в непосредственной близости к двум действующим вооружённым конфликтам (российско-украинскому и палестинско-израильскому) [...], ЕС испытывает всё большее давление». Сложившаяся ситуация «ускоряет милитаризацию Европы, а это через 10–20 лет станет осязаемой проблемой». В этих условиях «разворот России на восток и увлечение БРИКС не заменят наших интересов на европейском направлении. В условиях нового формирующегося миропорядка ставка на включённость в европейские дела перспективнее противопоставления себя коллективному Западу» (сайт РСМД, 19.11.2024).

В российском публичном поле подобный подход не является доминирующим, но это не означает, что такие мысли не обсуждаются российским правящим классом, для которого разрыв энергетического *Rapallo* стал болезненным ударом.

Промышленники против банкиров?

Как мы уже писали в прошлом номере нашей газеты, инфляция, по официальным данным на конец октября, составила 8,5 %. В этих условиях Банк России (ЦБ) поднял ключевую ставку до 21 %, что привело к удорожанию кредитов не только для населения, но и промышленного капитала. Главный его лоббист – Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) – тут же предложил обязать ЦБ согласовывать с правительством параметры Основных направлений денежно-кредитной поли-

тики (ДКП). Данная мера нарушила бы принцип независимости ЦБ.

Выступая 19 ноября 2024 года на пленарном заседании Государственной Думы, глава ЦБ Эльвира Набиуллина назвала дефицит рабочей силы, а не высокую ключевую ставку, главным фактором, сдерживающим производство. «73 % предприятий испытывают нехватку кадров», – заявила она, указав при этом на рекордный уровень инвестиций, которые за последние три года увеличились на четверть.

Война обострила и без того серьёзные демографические проблемы российского империализма. В этих условиях промышленный капитал мог бы хоть как-то заместить недостаток рабочих рук ростом производительности, повышая технологический уровень производства. Но и здесь война и последовавшие за ней санкции резко ограничивают возможности.

Тем временем, по данным Минпромторга, в России на 10 тыс. человек приходится 19 промышленных роботов. Общий парк робототехнических решений в промышленности составляет лишь 12,8 тыс. единиц. А потому достичь 25-го места в мире по плотности роботизации Россия сможет лишь к 2030 году.

Неудивительно, что Набиуллина говорит в Думе о необходимости наращивания инвестиций «в приоритетных направлениях», а её первый зампред Владимир Чистухин сожалеет об уходе западных инвесторов, задававших стандарт для всего рынка (РБК, 27.11.2024).

Оттенки и градации империалистической демократии

Исследование профессоров Калифорнийского университета в Беркли Барри Эйхенгринга, Нергиз Динсер и Джоаны Мартинес, опубликованное 17 июня 2024 года *Review in Advance*, исходит из того, что независимость ЦБ «никогда не бывает абсолютной». Другой важный тезис: «С начала XX века и до 1950-х годов произошёл широкомасштабный сдвиг власти в сторону исполнительной ветви. Казначейства могли влиять на политику центральных банков или даже диктовать её, особенно в 1930-х годах, когда кредитование центральных банков использовалось для продвижения инвестиционной политики правительств».

В то же самое время указывается, что тенденция к росту независимости центральных банков усилилась в 80-е годы прошлого века, то есть с началом периода, который наша школа называет циклом империалистического либеризма. Другой важный аспект, на который обращают внимание исследователи, – это снижение независимости центральных банков во время второй мировой войны. Эти выводы не только согласуются с марксистским анализом, но и позволяют спрогнозировать тенденции империалистической демократии в условиях обострения глобального противостояния.

Российский ЦБ отстоял своё право определять ДКП, доверие к нему со стороны Кремля, по всей видимости, осталось незбытым, но он не обладает абсолютной независимостью. Подтверждением этому является принятое им решение с 25 ноября 2024 года возобновить еженедельные аукционы репо, инструментами которых выступают облигации федерального займа (ОФЗ), что неизбежно приведёт к росту денежной массы. В ситуации

роста бюджетных расходов государства и обесценивания рубля (с августа российская валюта обесценилась по отношению к доллару и юаню на 24 %) ЦБ вынужден лавировать, одновременно используя инструменты ужесточения и ослабления ДКП: повышать ключевую ставку и расширять кредитование под залог ОФЗ.

Оттенки и градации империалистической демократии определяются соотношением веса ключевых фракций капитала, борьбой между ними как на национальном уровне, так и на мировом рынке.

Центробанк – генштаб империалистической демократии

В работе “О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» Ленин сделал важное методологическое замечание: «Выделять внешнюю политику из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, не марксистская, ненаучная мысль»¹.

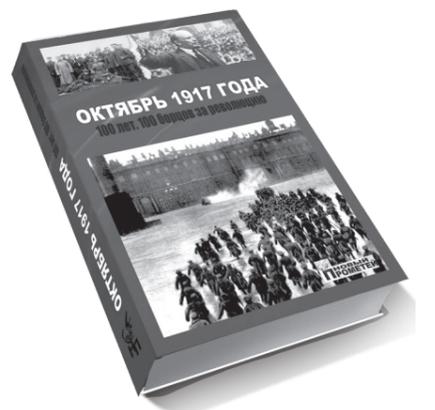
Ещё во II квартале 2018 года ЦБ вдвое – до 21,9 % – снизил долю доллара США в своих иностранных активах, в то же время увеличив долю юаня до 14,7 %. Занимаясь тогда пост первого зампреда ЦБ Ксения Юдаева объясняла, что «это вопрос диверсификации резервов на случай реализации разных сценариев» (“Ведомости”, 5.02.2019).

28 октября этого года на сайте “Эконс”, за которым стоит персонал ЦБ, была опубликована статья “Сунь-цзы для центральных банков”. За её основу была взята лекция профессора Массачусетского технологического университета (MIT) Кристин Форбс. Проведя аналогии с трактатом “Искусство войны” китайского стратега Сунь-цзы, жившего в VI веке до н. э., Форбс отмечает, что для государств решения центральных банков не раз «были вопросом жизни и смерти, помогая найти путь либо к безопасности, либо к краху».

Решения ЦБ не раз имели судьбоносное значение и для российского империализма. Смогут ли они сейчас повлиять на политику Кремля? Посмотрим.

Декабрь 2024 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 30. С. 93.

Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Выборы в США

Битва с абсентеизмом

Если взглянуть на прошлые выборы, то нынешняя победа Дональда Трампа кажется более объяснимой, чем если следовать за изумлёнными СМИ и ошибочными опросами общественного мнения. Поражение Камалы Харрис было определено сочетанием долгосрочной тенденции среди латиноамериканцев к увеличению поддержки республиканцев и роста абсентеизма среди афроамериканцев, латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения.

Абсентеизм рабочих

Окончательные данные всенародного голосования ещё не опубликованы, поскольку они требуют длительного процесса признания сначала со стороны штатов, а затем Конгресса. В нашем анализе мы объединили предварительные результаты голосования с результатами экзитполов CNN и NBC на выборах 2020 и 2024 гг. Экзитполы представляют собой опросы примерно 22 тыс. избирателей, проведённые на выходе из избирательных участков, охватывающие 0,01 % электората, поэтому их результаты приближены к реальным. Тем не менее, если читать их с учётом истории американских выборов за последние 50–70 лет, можно получить представление о том, что произошло.

Наиболее важные данные касаются голосов этнических меньшинств, то есть тех социальных слоёв, к которым обращается Демократическая партия в соответствии с политикой “top-bottom” (“верхов” и “низов”): с помощью этой политики демократы получали большинство в крупных мегаполисах за счёт голосов высокообразованных профессионалов с доходом свыше 100 тыс. долл. в год в сочетании с голосами массы афроамериканского и латиноамериканского малообеспеченного населения. Например, в Нью-Йорке это были голоса Манхэттена и голоса Бронкса (“Рабочий абсентеизм и голосование богатых за Обаму” // Бюллетень “Интернационалист”. № 86. Январь 2009).

На последних выборах, по предварительным данным на 21 ноября, насчитыва-

ется 153,4 млн действительных голосов, что на 5 млн меньше, чем в 2020 году. В пересчёте на число избирателей, имеющих право голоса, которое за этот период увеличилось, разница составит 8 млн. Трамп подтвердил результат предыдущих выборов и даже набрал на 2,5 млн голосов больше. Кандидат от Демократической партии Харрис потеряла 7 млн голосов, из которых 3 млн принадлежали афроамериканцам, 3 латиноамериканцам и 1 млн американцам азиатского происхождения. Переток голосов от демократов к республиканцам составил около 1 % электората, однако это лишь пятая часть от перетока избирателей в пользу абсентеизма. Это явление было зафиксировано уже на промежуточных выборах 2022 года, когда мы писали, что «большое количество чернокожих, воздержавшихся от голосования, затруднит утверждение президента-демократа в 2024 году» (“Абсентеизм афроамериканцев – кошмар демократов” // “Пролетарский интернационализм”. № 100. Январь 2023).

Провал демократов с голосованием женщин

Кошмар абсентеизма для демократов подтвердился. Уловка с заменой Джо Байдена на чернокожую женщину Камалу Харрис была попыткой повторить выигранный стратегию Барака Обамы 2008 года и восстановить поддержку среди меньшинств. Этого не произошло, потому что благодаря вызвавшей удивление «стратегии радости», принятой на съезде Демократической партии, избирательная кампания пошла в другом направлении, а её темы оказались чужды чернокожему и латиноамериканскому электорату. Присутствие знаменитостей из индустрии развлечений в последние недели перед выборами сделало предвыборную кампанию Демократической партии ещё более сюрреалистической, чем умело воспользовался Трамп, поднимая такие вопросы, как инфляция и иммиграция.

Несмотря на то, что Харрис – чернокожая женщина, хотя и не афроамериканка,

ПЕРЕКЛАДЫВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рабочие принесли Трампу победу? Мы уже слышали эту старую песню, при помощи которой правящий класс пытается замести следы своего малодушного оппортунизма.

Маркс в “18 брюмера Луи Бонапарта”, после описания того, как различные буржуазные фракции опирались на государственный переворот Наполеона III от 2 декабря 1851 года, критикует буржуазию и *The Economist* за то, что они перекалывают ответственность на пролетариат, который не стал сражаться... вместо них:

«Буржуазия, которая каждую минуту жертвовала своими общеклассовыми, т. е. своими политическими интересами для самых узких, самых грязных частных интересов и требовала такой же жертвы от своих представителей, теперь вопит о том, что пролетариат принёс ей идеальные политические интересы в жертву своим материальным интересам. [...] Я имею в виду, например, тот же журнал “Economist”, который ещё 29 ноября 1851 г., то есть за четыре дня до государственного переворота, объявлял Бонапарта “стражем порядка” [...] и который уже 27 декабря 1851 г., после того как Бонапарт утихомирил этих “анархистов”, кричит, что “невежественные, невоспитанные, тупые пролетарские массы” совершили предательство по отношению к “дарованиям, знаниям, дисциплине, духовному влиянию, умственным ресурсам и моральному авторитету средних и высших слоёв общества”. Тупой, невежественной и подлой массой была именно сама буржуазная масса!»¹.

поскольку её мать была индианкой, она потеряла более 1,7 млн голосов среди чернокожих женщин, а также почти 0,5 млн голосов среди чернокожих мужчин. Как сообщила *The Hill* от 11 ноября, стратегия вице-президента Харрис, рассчитывавшей на волну поддержки женщин, в конечном итоге оказалась провальной, поскольку чернокожие женщины в основном не пришли на участки, а большинство проголосовавших белых женщин встало на сторону Трампа.

Мы уже неоднократно сталкивались со статистическим обманом «gender gap» (“гендерной разницы”), якобы женщины преимущественно голосуют в пользу демократов (“Абсентеизм и доходы в американских выборах” // “Пролетарский интернационализм”. № 115. Апрель 2024). Если мы проанализируем результаты голосования женщин по этническим группам за последние 20 лет, то увидим, что белые женщины всегда голосовали за республиканцев: 55 % в 2004 году, 53 % в 2008-м, 56 % в 2012-м, 53 % в 2016-м, 55 % в 2020-м, 53 % в 2024-м. Колебания в несколько процентных пунктов находятся в пределах погрешности экзитполов.

Именно голосование афроамериканских женщин, среди которых демократы всегда имели сильное преимущество, нанесло сильный удар по Харрис. На этих выборах около 20 % чернокожих женщин, проголосовавших за демократов в 2020 году, не пришли на участки. Это опасный сигнал для Демократической партии, поскольку избиратели-афроамериканки, как считалось, гарантированно принесут ей свои голоса. Донна Бразил, афроамериканка, бывший президент Национального комитета Демократической партии, в интервью *The Hill* от 10 ноября подчёркивает, что Трамп победил не только во всех колеблющихся штатах, но и в городских центрах. Бразил просит демократов разобраться в том, что произошло в штатах Нью-Джерси, Миннесота, Массачусетс и Род-Айленд.

Поверхностная социология

Бразил осознаёт, что победа Трампа поставила под вопрос традиционную электоральную базу демократов, и это гораздо серьёзнее, чем простое поражение на выборах, поскольку касается будущего партии. В штате Нью-Йорк Харрис победила, но потеряла 1 млн голосов. Прирост голосов за Трампа составил всего 200 тыс., число абсентеистов увеличилось на 1,3 млн.

Что касается голосования латиноамериканцев, то нынешний результат неудивителен: между ними и Демократической партией никогда не было такой прочной исторической связи, как у этой партии с афроамериканцами. За республиканцев проголосовали 44 % выходцев из Латинской Америки в 2004 году, 31 % в 2008-м, 27 % в 2012-м, 29 % в

2016-м, 32 % в 2020-м и 46 % на нынешних президентских выборах.

Именно позиция чернокожих и латиноамериканских пролетариев стала причиной поражения Камалы Харрис. Значительного сдвига в голосах от демократов к республиканцам не произошло, но наблюдался рост абсентеизма, особенно среди слоёв наёмных работников с низким и средним уровнями доходов. В семьях с доходом менее 50 тыс. долл. в год уровень абсентеизма увеличился на 13 млн, и ещё на 13 млн голосов он вырос среди семей с доходом от 50 до 100 тыс. долл. Именно к этим категориям принадлежат наёмные работники. В семьях с доходом менее 100 тыс. долл. уровень абсентеизма вырос на 26 млн голосов, что частично компенсируется увеличением числа избирателей на 20 млн среди семей с доходом выше 100 тыс. долл., к которым принадлежит большинство мелкой и средней буржуазии и высших слоёв наёмных работников. Эти данные опровергают тезис о том, что Трамп будто бы победил благодаря голосам рабочих: среди семей с доходом менее 100 тыс. долл. Харрис потеряла 23 млн голосов, но и Трамп потерял 4,5 млн.

Это ясно иллюстрируют результаты голосования в Нью-Йорке: в округе Саффолк (Лонг-Айленд), который, по версии журнала *Forbes*, является четвёртым среди самых богатых округов в США, и где, по данным *Business Insider*, средняя цена дома составляет 8,5 млн долл., Трамп победил, набрав 403 тыс. голосов (55 %), что на 11 процентных пунктов больше, чем в 2020 году. В округе Нассо, где средний доход семьи составляет 10 тыс. долл. в месяц, Трамп победил, получив 359 тыс. голосов (51,6 %), что на 14 процентных пунктов больше, чем в 2020 году.

Нарратив о том, что Трамп победил благодаря решающему вкладу голосов недипломированных рабочих, является частью идеологии нового популизма и одним из инструментов политической полемики, но это результат столь поверхностного социологического прочтения, что оно игнорирует основополагающий факт участия/неучастия в голосовании. Обе партии имеют межклассовый характер, поэтому неудивительно, что голоса наёмных работников разделяются между демократами и республиканцами, но факт остаётся фактом: абсолютное большинство наёмных работников не голосовало. Сдвиг в пользу Трампа произошёл среди мелкой и средней буржуазии, а также среди людей с высокими доходами, в то время как слои людей со средними и низкими доходами увеличили уровень своего абсентеизма.

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 193–194.

	Всего	2024		2020			
		Харрис	Трамп	Байден	Трамп		
Число проголосовавших (млн)	153,4	74,2	76,7	158,5	81,3	74,2	
Данные экзитполов, %							
Всего	100	48	50	100	51	47	
Мужчины	47	42	55	48	45	53	
Женщины	53	53	45	52	57	42	
Белые	71	41	57	67	41	58	
Чернокожие	11	85	13	13	87	12	
Латиноамериканцы	12	52	46	13	65	32	
Американцы азиатского происхождения	3	54	39	4	61	34	
Белые	мужчины	34	37	60	35	38	61
	женщины	37	45	53	36	44	55
Чернокожие	мужчины	5	77	21	5	79	19
	женщины	7	91	7	8	90	9
Латиноамериканцы	мужчины	6	43	55	5	59	36
	женщины	6	60	38	8	69	30
Доход (долл.)							
менее 30 тыс.	12	50	46	15	54	46	
от 30 до 50 тыс.	16	45	53	20	56	43	
от 50 до 100 тыс.	32	46	51	39	57	42	
более 100 тыс.	40	51	49	26	42	54	
Городские жители	29	59	38	29	60	38	
Жители пригородов	51	47	51	51	50	48	
Деревенские жители	19	34	64	19	42	57	
Восток	21	51	46	20	58	41	
Средний Запад	22	46	53	23	47	51	
Юг	35	44	55	35	46	53	
Запад	23	54	43	22	57	41	

Примечание: экзитполы проводятся на 22 тыс. избирателей (0,01 % от общего числа), поэтому неизбежны приближения и ошибки; кроме того, не сообщается число голосов, поданных за кандидатов от других списков.

Источник: наша обработка данных NBC и CNN.

Бразилия и “равнение на все стороны”

Мы публикуем статью наших бразильских товарищей из газеты Intervenção Comunista.

Прошло чуть более года третьего президентского срока Лулы, и уже находит подтверждение общая ориентация бразильского империализма на роль ревизионистской силы мирового порядка. В условиях кризиса порядка общий консенсус крупного капитала состоит не только в расширении присутствия Бразилии на мировой шахматной доске, но и в верности её традиционному принципу присоединения. Две этих линии лишь кажутся противоречивыми: на деле они отвечают выбору держать открытыми все возможные направления: к США, Европе, Африке и Азии, не говоря уже, конечно, о непосредственной сфере влияния, Южной Америке.

Министр иностранных дел Мауро Вейра представил свой взгляд на итоги первого года. В журнале *Interesse Nacional* (январь – март 2024 г.) он пишет, что правительство приняло на себя задачи и ограничения «в условиях международного порядка, находящегося в переходной стадии – порядка, который оказывается не только более сложным, но и более турбулентным»; поскольку «наши внешние связи основаны на универсалистской матрице», внешняя политика страны «откачивается от автоматического равнения на какую-либо иностранную столицу».

В этом смысле акцент во внешней политике делается на «устойчивости», а также на «экономическом росте и социальном развитии, особенно стран, принадлежащих к категории, которая условно называется „Глобальным Югом“». И снова звучит: «Бразилия поддерживает формирование мягкого, позитивного и конструктивного многополярного порядка».

Внешняя политика в “новую эру”

В условиях кризиса порядка, усиления напряжённости в отношениях между США и Китаем, роста американского протекционизма и войн на Украине и Газе общественные дебаты о неприсоединении Бразилии становятся всё более напряжёнными. Бывший посол в США Рубенс Барбоза, президент IRICE (Институт международных отношений и внешней торговли Сао-Паулу) и директор журнала *Interesse Nacional*, в своей недавней книге даёт оценку возвращению «доктрины Лулы», которая заключается в стремлении восстановить «мосты, разрушенные предыдущим правительством» (Daniel Buarque, Rubens Barbosa. *“O Brasil voltou?”*, 2024).

По мнению Барбозы, исполнительная власть перечислила «приоритеты во внешней политике», которые указывают на то, что «Бразилия вернулась»: она занимает видное место, соответствующее статусу одной из «десяти крупнейших экономик планеты, имеющих собственные национальные интересы», делает «акцент на окружающей среде, изменении климата и значимости Южной Америки» в период «больших глобальных преобразований». В условиях, когда «международный порядок характеризуется неопределённостью и отсутствием безопасности».

Конец «однополярного мира» в 1990-х годах привёл к изменению «мирового порядка», ознаменованного в начале текущего века «возвращением Китая в статусе державы», которая «борется с США за глобальную гегемонию». По мнению дипломата, «российские военные действия на Украине и израильское наступление на

ХАМАС» означают начало «новой эры»: «Мир, разделённый по новым осям, обретает форму, с перспективой конфронтации между Западом (США и Европа) и Евразией (Китай, Россия и другие азиатские страны). Согласно западному представлению, возникает биполярный мир [...]. В китайском и российском видении возникает многополярный, постзападный порядок – Запад против остального мира».

Реализм и прагматизм

В связи с этим бразильская внешняя политика должна иметь чёткую стратегию, чтобы не оказаться притянутой ни к одной из осей и воспользоваться возможностями, которые открываются с точки зрения её «национальных интересов».

На этих страницах мы уже обсуждали «диалектику между линиями на биполярность – они концентрируются на Соединённых Штатах и противостоянии между блоками, возглавляемыми Америкой и Китаем, – и динамикой многополярности, которой задаёт тон сам Китай и которой пользуются Европа, Япония, Индия, Бразилия, Россия и группа средних держав» (*Intervenção Comunista*, октябрь 2023 г.). Таким образом, в словах Барбозы можно увидеть отражение того, что мы называли «многополярным процессом соперничества, воплощённым в движении множества великих и средних держав, а также в конкуренции между старыми державами и Китаем за влияние на новых международных акторов, для обозначения которых обычно используется термин Глобальный Юг».

По мере того, как «динамика системы государств» становится всё более сложной и живой, «конкуренция между великими державами и границы возможностей для действий средних держав растут в свете атлантического упадка и азиатского восхождения».

Барбоза, например, с прагматизмом и буржуазным реализмом ставит вопрос, который может возникнуть перед лицом возможной «военной эскалации», с расширением конфликта за пределы Украины и Среднего Востока. С его точки зрения, это может привести к тому, что США начнут требовать «лояльности». Позиция Бразилии, подразумевающая «независимый подход к конфликтам на Украине и Газе и напряжённости в отношениях США и Китая», может столкнуться с моментами проверки на прочность, например, вследствие возможного обострения тайваньского кризиса. Поэтому «страна должна защищать свои западные ценности и сохранять свои азиатские интересы, избегая при этом идеологических и геополитических соображений, оказывающих решающее влияние на формирование политики», как это было в случае с неудачными попытками создания мирного клуба по войне на Украине и гуманитарного коридора в Газу.

Если внешняя политика должна рассматриваться как «политика государства», её следует ставить выше «идеологии или партийных предпочтений». Подобно тому, как «большинство развивающихся стран Африки, Латинской Америки и Азии заявили о своём неприятии раскола мира», Бразилия, «следуя примеру Индии, [...] должна официально и публично заявить о своей позиции независимости от обеих сторон, [...] упорно защищая свои политические, экономические и торговые интересы».

«Сложный выбор» во внешней политике

Хотя Барбоза приветствует возвращение к «активной и напористой» внеш-

ней политике с «акцентом на многополярность», правительству не хватает более чёткого определения приоритетов страны в рамках «среднесрочного и долгосрочного стратегического видения». Одним из примеров является вопрос о БРИКС, в отношении которого не была определена позиция после того, как «Бразилия приняла требование Китая увеличить число стран-членов». Свключением средневосточных государств «БРИКС может стать антизападным движением, противостоящим Соединённым Штатам, Европе и некоторым азиатским странам».

Кроме того, президент IRICE указывает на пределы возможности внешней политики, чрезмерно расширившей свою активность, не имея для этого достаточного рычагов, за исключением «небольшого влияния на военные очаги в мировой геополитике». И если сценарий столкновения между «западной» и «евразийской» осями реализуется, «такие страны, как Бразилия, столкнутся с трудным выбором во внешней политике. Бразилия включена США в число своих стратегических союзников вне НАТО и входит в БРИКС [...]. Разделяя западные ценности [...] и имея тесные связи [...] с США и европейскими странами, Бразилия теперь также имеет конкретные интересы, которые требуют защиты в Азии, связанные с нашим крупнейшим торговым партнёром». Также отсутствует чёткая стратегия в отношении МЕРКОСУР, непосредственной сферы влияния, поскольку «ничего не было сделано» для оживления этого объединения.

Коридоры на два океана и стратегические интересы

В этом смысле, настаивает Барбоза в своей статье в *O Estado de S. Paulo*, «Бразилии необходимо срочно определить стратегию, чтобы противостоять новым геополитическим реалиям, которые могут затронуть интересы страны» (28 мая). Не подвергая сомнению тот факт, что Бразилия является ревизионистской державой в мировом порядке, он иницирует следующую дискуссию: «в отсутствие чёткого понимания характера стратегического партнёрства с Китаем стоит задаться вопросом, уместно ли переносить фокус с двусторонней повестки на глобальную, на которую обеим странам будет сложно повлиять».

Возможно, учитывая неспособность страны стать лидером так называемого Глобального Юга, так как эту позицию занимает Китай и с ним у Бразилии нет шансов конкурировать, предлагается более «приземлённая» стратегия: «Вопрос региональной интеграции, связей с Азией и инвестиций для содействия проектам в этих областях мог бы стать стратегическим приоритетом». Эти размышления также стоит воспринимать в контексте празднования 50-летия бразильско-китайских отношений в 2024 году. Одной из областей активности является открытие «экспортных коридоров непосредственно на азиатские рынки», притом некоторые из них уже существуют, но, учитывая нехватку ресурсов для развития этих проектов, следует рассмотреть возможность сотрудничества между двумя странами.

Слияние Программы ускорения роста и Нового шёлкового пути, по предложению Ван И, министра иностранных дел Китая, «поднимает чувствительные вопросы с геополитической точки зрения и с точки зрения отношений с США». Между тем, привлечение китайского капитала

для стратегических инфраструктурных инвестиций без официального включения Бразилии в Шёлковый путь, что позволит укрепить «проводимую под руководством Бразилии политику физической интеграции в Южной Америке», будет представлять собой «стратегическое партнёрство с Китаем».

«Мы должны говорить об обороне»

На фоне размышлений о стратегии бразильского империализма в условиях кризиса порядка неудивительно, что редакционная статья газеты *O Estado de S. Paulo* (29 апреля) была озаглавлена «Мы должны говорить об обороне». В ней впервые в открытой печати говорилось о том, что Бразилии необходимо учитывать то, что «реальный мир становится всё более опасным». Рост геополитической напряжённости вызывает тревогу, исходя из опубликованных SIPRI данных о беспрецедентных мировых военных расходах в размере 2,4 триллионов долларов США в 2023 году. В этом смысле «Бразилия не может избежать этой реальности и должна подпитывать свою военную машину».

Страна «обладает сравнительными преимуществами», «укрепила свои границы мирным путём», имеет «репутацию страны, ищущей мирные решения для споров», поддерживает «многосторонний подход», и к этому следует добавить тот факт, что «Южная Америка находится вдали от основных зон конфликтов». Если оставить в стороне неприсоединение и оценить, что страна находится «между путями столкновения основных блоков», то «национальным интересам» соответствует сохранение «стратегической автономии», поэтому «мягкая сила должна быть подкреплена жёсткой».

«Дивиденд мира» – тот факт, что Бразилия не имела военных конфликтов ни с одной страной на протяжении более чем полутора веков, – не был использован должным образом и «породил самоуспокоенность». Что касается военных инноваций – «кибернетических, ядерных и космических», – то оборонную промышленную базу страны можно назвать «несоответствующей национальным нуждам и зависящей от импорта», что представляет собой «серьёзный стратегический риск». Перед лицом «возможных угроз со стороны крупных держав страна не сможет защитить себя в одиночку и будет зависеть от международного сотрудничества».

Досье дополняет стратегические вопросы, которые встают перед метрополиями империализма: чтобы использовать своё пространство для манёвра в рамках возможностей, открывающихся в связи с упадком Атлантики и восхождением Азии, бразильская буржуазия не может позволить себе наивность. «Стремление к миру и стабильности существует с тех пор, как существует человечество, а стремление к “вечному миру”, о котором мечтал Иммануил Кант, является политическим императивом». Однако есть и «суровая реальность», которую создавали ещё древние римляне: «Хочешь мира – готовься к войне».

Бразильский империализм начал публичные дебаты о «стратегической автономии», чтобы заложить основы своего собственного «равнения на все стороны», а это, в свою очередь, подразумевает перевооружение.

Хроники Шёлкового пути

Китай и Индия открываются в ожидании Трампа

Чжан Вэйвэй, идеолог китайской исключительности из Фуданьского университета в Шанхае, высмеивает европейских партнёров, обеспокоенных американскими выборами: «Вы потеряли свою независимость и автономию». Китай смотрит на американские выборы «в расслабленной атмосфере и хорошем настроении». Дракон демонстрирует уверенность.

Ни торговая война Дональда Трампа, ни политика технологического отрицания, проводимая Джо Байденом, не смогли подорвать китайские успехи в самых разных отраслях. «Новая тройка»: электро-мобили, литий-ионные аккумуляторы и солнечные батареи – вытеснила в статьях экспорта «старую тройку»: мебель, одежду и бытовую технику. Пекин может производить два стелс-истребителя «пятого поколения»: Shenyang J-35 и Chengdu J-20, бросая вызов США в азиатском небе. Как зелёная сверхдержава Китай переворачивает стратегический смысл энергетического перехода: там, где после кризиса 2008 года старые державы открыли для себя новый сектор инвестиций, теперь появился новый империализм.

Какой будет китайская политика Трампа? Американские версии варьируются от сценария «крупного соглашения в экономике или в области безопасности» с Китаем до сценария крупного кризиса и даже военной конфронтации. По мнению Эвана Медейроса, бывшего помощника Барака Обамы по Азии и главы отдела Китая в Совете национальной безопасности, «диапазон возможных исходов шире, чем в прошлом». Уолтер Рассел Мид, чья педагогика в *Wall Street Journal* снова направлена на президента, не исключает нестабильного сочетания китайско-американских соглашений и масштабного перевооружения. Однако, по мнению Медейроса, у Пекина появится ещё больше поводов представить себя в качестве «защитника глобализации и многосторонности», поскольку протекционизм и непостоянство Трампа во время первого срока в определённой степени оттолкнули от него тех самых союзников, которые были нужны США для сдерживания Китая. В преддверии нового президентства в Вашингтоне Пекин сделал три шага: в сторону ЕС, в сторону Индии и внутрь самого себя.

Торговый протекционизм и избирательный либеризм

В отношении Европы политическое значение приобретает борьба вокруг тарифов на китайские электро-мобили, которая на момент написания статьи завершилась переговорами о добровольных минимальных ценах, гарантированных китайской стороной в обмен на приостановку европейских тарифов.

Пекинская пресса рассуждает о возможности того, что торговое перемирие создаст прецедент в отношениях держав. По мнению *Global Times*, «возможно, что переговоры ознаменуют начало процесса, в котором Китай и Европа используют инновационные правила для решения торговых вопросов на волне промышленной модернизации и трансформации». Проверяется степень «стратегической автономии» ЕС, его «готовность и способность разрешать торговые споры с Китаем путём диалога в новых условиях глобальной торговли и поддерживать глобальную многостороннюю торговую систему».

Пекин не делает скидки Европе на то, что она вынуждена начинать переговоры с протекционистских позиций, и обвиняет её в потакании ещё не озвученным директивам с другой стороны Атлантики. Одна-

ко он признает заинтересованность Европы в продолжении диалога: здесь Пекина выступает заодно с Германией, не поддерживающей идею тарифов и в настоящее время находящейся в меньшинстве в Европе. По мнению Ван Ивэя из Института Чунъян, цель Европы также заключается в получении инвестиций и технологий через создание совместных предприятий и перенос китайских производств в Европу.

Индийская многовекторность в БРИКС

Си Цзиньпин и Нарендра Моди встретились на полях саммита БРИКС в Казани, накануне победы Трампа, санкционировав возобновление китайско-индийских переговоров на высоком уровне и ослабление напряжённости на границе в Ладакхе. Для Индии открытие по отношению к Китаю станет последним элементом концепции многовекторного сотрудничества.

Виджай Гокхал, секретарь по иностранным делам Индии с 2018 по 2020 год, отмечает в *Times of India*, что это не умаляет значения других стратегических партнёрств, в том числе с США; но «если вы не ведёте дела со всеми крупными державами – а Китай является второй экономической и военной державой в мире, – то политике многовекторности чего-то не хватает».

Индия входит как в японо-американскую группировку Quad, так и в китайскую группу БРИКС. По мнению индийского дипломата Т.С. Тирумурти, также опубликованному в *Times of India*, существует «уникальная возможность использовать многовекторность (индийскую) для формирования будущего БРИКС», предлагая нынешним и будущим членам, не желающим вставать на сторону Китая, «гарантию [...] того, что БРИКС не превратится в антизападную группу». В этом свете, вопреки распространённому мнению, Дели может поддержать расширение БРИКС, чтобы ослабить влияние Китая. В любом случае, по мнению Харша В. Панты из Observer Research Foundation (ORF), близкого к министерству иностранных дел, чтобы уравновесить Пекин, Нью-Дели не хочет опираться лишь на отношения с Западом. БРИКС, который до сих пор рассматривался как китайская инициатива, может быть полезным и для Индии с её «глобальной позицией».

Индийская автономия и международный капитал

Global Times призывает азиатского соседа «сохранять стратегическую автономию, удовлетворяя при этом экономические потребности». Индийский слон поддаётся искушению, но не без дискуссий о том, стоит ли открывать свои двери для капиталов Дракона. Газета *Business Standard* из Мумбаи, сторонница открытия, берет интервью у китайского экономиста Джастина Ифу Линя: в Индии много молодых рабочих с низкой зарплатой, и для привлечения капитала ей следует пойти по пути «особых экономических зон». Для Китая поворотным моментом более сорока лет назад стал именно этот «очень прагматичный подход».

С одной стороны, обсуждается, в какой степени Индия может предложить капиталу старых держав второе направление скорее в дополнение к Китаю, а не как альтернативу ему, в соответствии с формулой крупных немецких групп «Китай плюс один».

Арвинд Субраманиан, бывший советник Моди, видит в производственном буме в Тамилнаде модель открытия для международного капитала; но чтобы

воспользоваться возможностями «Китай плюс один», Индия должна повторить его в богатом рабочей силой «поясе хинди» на севере. Йорг Волле, представитель логистического гиганта Kühne+Nagel, придерживает коней: в 2023 году основные китайские порты перевезли 192 миллиона контейнеров, в то время как индийские – 15 миллионов. «В настоящее время совершенно нереально, что Индия [...] может заменить Китай». С точки зрения прагматизма крупных групп, инвестиции «в Китай для Китая» преобладают над «Китаем плюс один».

С другой стороны, как утверждает бывший министр иностранных дел (2004–2006) Шьям Саран, «одно из течений мысли среди крупнейших индийских компаний и некоторых секторов экономического истеблишмента правительства» прямо призывает к открытию доступа к китайским инвестициям.

Альтернатива Китаю... зависящая от Китая

В центре внимания оказался экономический обзор правительства: по мнению главного экономического советника (СЕА) В.А. Нагесварана, «чтобы дать импульс индийской обрабатывающей промышленности и включить Индию в глобальную цепочку поставок, неизбежно требуется сделать её частью китайской цепочки поставок», импортируя капитал, а не товары от азиатского конкурента. Однако между экономическими аппаратами и аппаратами национальной безопасности будут существовать различные ориентации, и даже в экономических министерствах пока что преобладают взгляды, связанные с более протекционистскими секторами.

По мнению Сарана, прибегнув к китайским капиталам, Индия поспособствует укреплению глобальной многополярности, но в ущерб азиатской многополярности, то есть закрепит преимущество Китая. Санджая Бару, бывший советник премьер-министра Манмохана Сингха, напротив, считает, что Индия должна использовать китайский капитал так же, как Китай использовал американский, незаметно укрепляя собственные силы. Эти два мнения характеризуют все индийские дебаты.

Б.В.Р. Субраманьям, глава *NITI Aayog*, правительственного агентства, которое в 2014 году пришло на смену Госплану, развивает мысль экономического советника Нагесварана, призывая Индию рассмотреть возможность присоединения к азиатским соглашениям ВРЭП и ТТП. По мнению Бару, происходят глубокие изменения в индийском политическом балансе. Китайские источники пока иронично отмечают, что стратегия «Сделано в Индии» уже сегодня зависит от компонентов «Сделано в Китае», а завтра, возможно, и от капиталов.

Фискальная реструктуризация в Пекине

В сентябре – октябре Пекин приступил к мощному монетарному и фискальному маневру, чтобы справиться с «тремя рисками», обозначенными Си Цзиньпином в «Эссе о финансовой работе» (Пекин, 2024): финансами сектора недвижимости, долгами провинций и состоянием активов средних региональных банков. Кризис недвижимости и реструктуризация промышленности, сопровождающие исчерпание цикла экспансии, начавшегося в 1978 году, отражаются на неустойчивости долгов, накопленных, с одной стороны, провинциями Жёлтого Китая и Маньчжурии, а с другой – банками. Это открывает

политическую и институциональную игру, в которой центр в Пекине и несколько динамичных провинций получают шанс навязать реформистскую линию июльского III пленума: обширную стройплощадку законодательных корректировок и пересмотра исключительных и конкурирующих компетенций между центром и провинциями, начиная с запущенного в сентябре повышения пенсионного возраста и наболевшей темы отмены хукоу, заканчивая реформой налоговых поступлений и расходов на социальное обеспечение и инвестиции.

В центре операции сейчас находится реструктуризация долга, «спрятанного» в финансовых каналах, с помощью которых провинции обходили ограничения центра на выпуск местных долговых обязательств и компенсировали падение доходов от продажи земли. Речь идёт о 12 триллионах юаней (1.660 миллиардов долларов), которые в течение пяти лет будут заменены новыми местными (6 триллионов) и центральными (5 триллионов) выпусками по более низким ставкам и другими мерами. Однако, по мнению *Financial Times*, это позволит погасить лишь пятую часть скрытых долгов.

Китайский градуализм, отражающий внутреннюю диалектику властей, по своей природе должен разочаровать растущие ожидания газеты Сити; но авторитетные голоса, желающие пойти дальше в реструктуризации внутреннего долга, звучали и в Китае. Дэвид Ли Даокуй, директор Центра Китая в мировой экономике при Университете Цинхуа, призвал к реструктуризации местного долга на 40–60 триллионов юаней; Ю Юндин, директор Института мировой политической экономии при Китайской академии общественных наук, приветствовал «весьма похвальный» подход правительства, но призвал к выпуску центральных облигаций сроком более десяти лет, которые Центральный банк мог бы купить на вторичном рынке, в рамках «количественного смягчения с китайской спецификой», чтобы поддержать реструктуризацию широкими инфраструктурными инвестициями.

Широкая повестка дня III пленума – это открытый фронт, а тем временем Пекин готовится к президентству Трампа.

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

Арриго Черветто
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц,
мягкий переплёт, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Правительство меньшинства в Токио

После неудачи на выборах 27 октября, спустя всего месяц после избрания на пост председателя Либерально-демократической партии, Сигеру Исиба парламентским голосованием был назначен главой правительства меньшинства, чего не случалось с 1994 года. Тогда социалист Томиити Мураяма возглавил коалицию, состоящую из Социалистической партии, ЛДП и Новой партии Сакигакэ; эта команда министров проработала до 1996 года, когда ЛДП вновь получила парламентское большинство в коалиции с буддийской партией Комэйто.

Долгое либерально-демократическое правление, начавшееся в 1955 году, было вновь прервано в 2009 году после триумфа левоцентристского руководства ДПЯ (Демократической партии Японии) с тремя премьер-министрами: Юкио Хатоямой, Наото Каном и, наконец, Ёсихико Нодой. Сегодня Нода возглавляет КДПЯ, Конституционно-демократическую партию Японии, образованную в 2017 году после роспуска ДПЯ. Трёхлетнее правление ДПЯ было беспокойным, отметились кризисом в отношениях с США из-за азиатских и прокитайских позиций Хатоямы, катастрофой на АЭС «Фукусима» и, наконец, кризисом вокруг островов Сенкаку с Китаем в 2012 году. Тот бурный период до сих пор сказывается на доверии электората к КДПЯ.

Проигрышная ставка Кисида и Исибы

Считается, что Исиба и его главный покровитель и предшественник Фумио Кисида сделали «проигрышную ставку» – назначив досрочные выборы сразу после неуверенной победы первого в борьбе за пост председателя ЛДП. Расчёт состоял в том, чтобы ограничить потери коалиции в целом, вероятно, свалив большую часть ответственности на консервативное течение, бывшую фракцию Абэ, которая была наиболее замешана в скандалах вокруг финансирования выборов. И действительно, её численность в нижней палате парламента сократилась вдвое, с пятидесяти до двух десятков депутатов, при относительном перевесе в пользу центристских течений. Однако в итоге ЛДП получила 5,4 млн голосов, а её партнёр по коалиции Комэйто – 2 млн, что привело к потере парламентского большинства.

Второй аспект расчёта состоял в том, чтобы не допустить формирования коалиции оппозиционных партий. Отчасти это удалось: КДПЯ сократила разрыв по одномандатным округам с 10 до 5 млн голосов, но не достигла прогресса в борьбе за места, распределяемые по пропорциональной системе, не сумев заручиться поддержкой бывшего правого крыла ДПЯ – Народно-демократической партии (НДП), возглавляемой 50-летним Юитиро Тамаки, бывшим чиновником Министерства финансов. Последнее формирование увеличило количество голосов с 2 до более чем 6 млн, а количество мест – с 7 до 28.

Третья сила, Партия инноваций Японии (ПИЯ), регионалистское формирование из Осаки, так и не смогла выйти за пределы региона Кансай и потеряла 2 млн голосов (с 8 до 6) и 3 места, с 41 до 38. Впервые два крайне правых формирования, КПЯ (Консервативная партия Японии) и Сансэйто (Партия «Сделай сам»), получили по три места в парламенте, набрав 1,3 и 1,8 млн голосов. Ведущие газеты Японии – правые «Йомиури Симбун» и «Санкэй Симбун» в Осаке, левоцентристская «Асахи Симбун» – призвали к отставке Исибы с поста премьера и председателя ЛДП. Последний, однако, намерен

сохранить свой мандат, по крайней мере, до весны, балансируя за счёт ситуативных «частичных альянсов», в первую очередь с НДП, но не исключая соглашения с ПИЯ. Кроме того, обе партии выступают за перевооружение и конституционную реформу, а для НДП характерна линия на повышение заработной платы и стимулирование потребления.

Подобную правительственную комбинацию в настоящее время поддерживают «Кейданрен», Японская конфедерация промышленности, а также *Nikkei* и «Майнити Симбун», третья по величине либерально-ориентированная газета Японии.

Страх перед «политическим вакуумом»

В июле следующего года пройдут выборы, в результате которых обновится треть верхней палаты, что, как правило, неблагоприятно для действующих правительств. В декабре ожидается утверждение дополнительного бюджета, а весной – бюджета на 2025 финансовый год, для которого министерство обороны запросило дальнейшее увеличение военных расходов примерно до 60 миллиардов долларов. Из них около 7 миллиардов долларов будет выделено на финансирование национального компонента «контрракетного потенциала» – ракетного арсенала средней дальности для Токио.

Речь идёт о примерно 1000 ракет производства Mitsubishi, которые будут развёрнуты вместе с 400 крылатыми ракетами «Томагавк», уже приобретёнными Японией у Вашингтона. Развёртывание этих двух компонентов запланировано на период с 2025 по 2027 год. В своём предвыборном манифесте НДП высказалась в пользу собственного ракетного арсенала и заявила, что Токио необходимо «уменьшить военную зависимость» от Вашингтона путём увеличения «внутреннего производства». Как и ЛДП с ПИЯ, НДП выступает за сохранение ядерной энергетики.

Неуверенный центристский поворот Ноды

Однако это не относится к КДПЯ, несмотря на поворот Ноды к «консервативному центризму» после его избрания председателем партии в середине сентября. Как отмечает «Йомиури», в своём предвыборном манифесте он по-прежнему выступает против законов о национальной безопасности, принятых в 2015 году, и против обладания ракетным арсеналом. Консервативные газеты, а также левоцентристские «Майнити» и в некоторой степени «Асахи» считают, что центристский поворот Ноды произошёл слишком недавно, чтобы гарантировать *растворимость* КДПЯ в новом японском стратегическом консенсусе, заложенном Синдзо Абэ и продолженным Кисидой. Как отметил Тобиас Харрис, аналитик японской политики и биограф Абэ, октябрьские выборы прошлого года – это «скорее протестное голосование» в связи со скандалами с избирательными фондами ЛДП, а не «новый 2009 год», когда японский политический ландшафт перевернулся с ног на голову. По мнению бывшего дипломата Куни Мияке, в то время как «правый популизм» укоренился в Западной Европе и США, в Японии, несмотря на «недовольство традиционными политическими партиями», «крайне правые силы» не занимают центрального места.

По мнению Фариды Закарии, обозревателя *Washington Post*, низкий уровень иммиграции в стране не должен удивлять. По состоянию на 2023 год на архи-

«САЁНАРА» СТАРОМУ ПОРЯДКУ

Слово «саёнара» часто переводят как «до свидания». Однако в Японии оно имеет смысл «прощай», означающий, как минимум, «очень долгую разлуку». Так жёны прощались со своими мужьями, уходящими на фронт. Новое президентство Трампа воспринимается в Токио как «прощание» с относительной стабильностью порядка, установившегося после 1945 года, а также необходимость поиска «плана Б», чтобы справиться с сочетанием американского упадка и китайского восхождения.

«Даже если США пойдут по пути упадка, результаты выборов необходимо уважать [...] итоги голосования могут означать начало конца американской исключительности. Растёт опасение, что страна может скатиться к политической нестабильности. Пусть Китай может смеяться над результатами выборов, нельзя не отметить серьёзности ситуации в сфере безопасности, которая должна беспокоить региональных игроков не только в Европе и на Среднем Востоке, но и в Индо-Тихоокеанском регионе».

Куни Мияке, *the japan times*, 7 ноября.

«Хотя американская экономическая и военная мощь не имеет себе равных, после 11 сентября 2001 года американское могущество стало идти на спад. [...] Американское лидерство по-прежнему имеет решающее значение для решения глобальных проблем и конфликтов. Япония должна продолжать настаивать на этом, чтобы США вместе с европейскими странами выполняли свои обязанности».

◎毎日新聞◎ «Майнити Симбун», 7 ноября

«Мир, похоже, движется к эпохе крайнего хаоса. [...] Последствия программы «Америка прежде всего» для дипломатии Вашингтона в настоящее время невозможно оценить. [...] Возвращение Трампа в Белый дом бросит Японии вызов [...]. Независимость Японии во внешней политике будет подвергнута испытанию, в том числе в том, сможет ли Токио избавиться от зависимости от США и возглавить усилия по международному сотрудничеству [...] со странами G7 и Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы обуздать односторонний подход США».

朝日新聞 «Асахи Симбун», 7 и 11 ноября.

«Сможет ли Трамп восстановить американский престиж [...] и перестроить международный порядок? [...] Япония [...] должна работать над сохранением и укреплением союза с США, говоря то, что должно быть сказано».

読売新聞 «Йомиури Симбун», 7 ноября.

«В прошлом безопасным вариантом для крупных азиатских и европейских экономик был план «А» – оппортунистическое поведение (*freeriding*) под защитой зонтика США. Этот путь больше не доступен, поскольку Китай стал более мощным, а Россия – более воинственной. Союзники США [...] выбрали пересмотренный план: значительно увеличить свои военные расходы и больше сотрудничать с другими дружественными странами [...] Вопрос в том, будет ли это возможно при Трампе. Если нет, то остаётся план «Б» [...] – определить, в какой степени необходимо отдалиться от США. И углублённое обсуждение ядерного сдерживания в таком случае также будет неизбежно».

Хироюки Акита, *日本経済新聞 Nikkei*, 8 ноября.

«Если Трамп поставит экономические выгоды выше альянсов, японской ответственности и бизнесу придётся обратить на это внимание [...] Рост Китая ведёт к относительному снижению американского влияния в мировой экономике [...] Если США будут продолжать отступать от соглашений при каждой смене президента, их международный авторитет будет подорван».

◎サンケイ新聞◎ «Санкэй симбун», 12 ноября.

пеллаге проживало около 3,5 миллиона иностранцев, то есть менее 3 % населения. Подсчитано, что для удовлетворения демографических и экономических потребностей страны необходима доля в 10–15 %, и в целом политика ЛДП благоприятствует притоку иностранных рабочих из стран Юго-Восточной Азии.

Крайне правые Сансэйто и КПЯ занимают антииммигрантские позиции, но остаются маргинальными и опираются скорее на независимый электорат. Длительное руководство Абэ с его национал-консервативной дозировкой существенно ограничило электоральные мятежи в их популистских проявлениях, которые на японском политическом жаргоне именуются «третьими силами».

По данным *Japan Times*, часть консервативной массовой базы проголосовала за НДП и ПИЯ, а его твёрдое ядро в Комэйто (Осака) вымывается из-за «старения электората». В 2021 году число избирателей в Японии в целом сократилось на миллион человек в результате снижения численности населения.

Так или иначе, 47 миллионов человек, не пришедших на избирательные

участки, лишь подтверждают общее недовольство. Сохраняющаяся нейтральная позиция КДПЯ поддерживает, но лишь частично, китайские оценки возможности японского перевооружения как части стратегии военного сдерживания «Дракона», соответствующего желанию Вашингтона. По мнению Пекина, существуют течения, выступающие против перевооружения, которые рано или поздно проявятся. Всё та же «Йомиури» указывает, что большинство, находящееся между левыми и правыми центристами, поддерживает расширение экономических отношений с Пекином, в то время как двухпартийный консенсус в Вашингтоне, вероятно, будет антикитайским. Среди консерваторов прослеживается линия на вооружённую поддержку Страны восходящего солнца, направленную на уравнивание китайского экономического превосходства и американских колебаний. Поиск нового внутривластного баланса будет непростой задачей для «солдата» Исибы.

ООП – заложница арабского

Многие движения за независимость так «массово зависели» от внешней помощи, как Организация освобождения Палестины (ООП), «выживание которой было обусловлено сохранением её единства любой ценой». Это объясняется особенностями палестинского национализма в процессе его формирования в 1930–1950-е годы, которые отличали его от других подобных движений, например, алжирского «Фронта национального освобождения», ФНО.

Так писал Ален Греш, помощник редактора *Le Monde Diplomatique*, в предисловии к английскому изданию своей истории ООП (*"OLP. Histoire et stratégies"*, 1984). ООП, основанную в 1964 году как зонтичную организацию для объединения течений палестинского национализма, с 1969 по 2004 год возглавлял Ясир Арафат (Мохаммед аль-Рахман аль-Рауф аль-Кудва аль-Хусейни, 1929–2004). На протяжении сорока лет он был главным представителем палестинского светского национализма.

С середины 1980-х годов его главным конкурентом стал ХАМАС, Исламское движение сопротивления, ответственный за массовые убийства в Израиле 7 октября и являющийся доминирующей политической силой в секторе Газа. Война в Газе, унёсшая до 40 тысяч жертв и ставшая самой кровопролитной с точки зрения человеческих потерь за всю историю израильско-палестинских конфликтов, представляет собой трагический провал и подтверждение того, что мы называли «стратегическим банкротством» как палестинского, так и израильского национализма.

Головоломка арабского и палестинского национализма

Ален Греш – сторонник палестинской национальной идеи. Максим Родинсон, один из мэтров французской арабистики, в своём предисловии рассматривает этот текст как «серьёзную и основательную попытку» прояснить «противоречия, лежащие в основе палестинского и арабского национализма». Теоретически они являются «взаимодополняющими» силами, но на почти столетие, то есть с момента возникновения «палестинского вопроса», они часто оказывались в противостоянии между собой. Требования палестинцев оказались подчинены «смыслу существования» арабов: так считал Абу Ияд (Салах Халафа, 1933–1991), который вместе с Арафатом был одним из основателей ФАТХ («завоевание» с арабского, а также перевёрнутая аббревиатура «Движения за освобождение Палестины»), главной палестинской националистической партии и силы большинства в ООП.

Будучи русским евреем по матери и египтянин-коптом по отцу¹, Греш был участником движения египетских левых, а затем и французских левых из ФКП. Его отец, Анри Куриэль (1914–1978), был убит людьми из ОАС (Секретной вооружённой организации), связанными с французскими спецслужбами, за его активную деятельность среди «носильщиков чемоданов»² алжирского Фронта национального освобождения (ФНО); несмотря на обвинения в работе на арабскую политику СССР, в 1976 году он провёл серию переговоров между членами ООП и израильскими левыми под покровительством Пьера Мендеса-Франса, на тот момент бывшего премьер-министра Франции времён Четвёртой республики.

Как в работе 1984 года, так и в дальнейшем Греш утверждал, что создание «палестинского мини-государства» на Западном берегу и в секторе Газа является единственным реалистичным решени-

ем конфликта, и рассматривал отказ от резолюции ООН о разделе Палестины в 1947 году как упущенную возможность для палестинского национализма (*"Palestine 1947. Un partage avorté"*, 1992). Греш, однако, признаёт, что в то время это решение было трудно осуществить, учитывая «баланс сил» между «подконтрольным палестинским национализмом» и арабскими государствами, с усилением политических панарабистских течений и соответствующих идеологий, а также «палестинской травмы» Накбы (катастрофы), связанной с военным разделом Палестины в 1948 году.

В своих мемуарах Абу Ияд сообщает об идеях Хаджа Амина аль-Хусейни, верховного муфтия Иерусалима, высказанных им в беседе в Бейруте в 1974 году. По мнению верховного муфтия, арабские государства, как в силу убеждений своих лидеров, так и под давлением Великобритании, «выдвигали препятствия для создания палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа, территориях, которые британская армия не смогла завоевать. Король Трансиордании Абдалла [...] не был заинтересован в создании палестинского образования, поскольку намеревался присоединить Западный берег к своему королевству, что он и сделал после войны 1948 года. Король Фарук, в свою очередь, не стремился присоединить Газу к Египту; он санкционировал проведение палестинского конгресса в этом городе в сентябре 1948 года, который утвердил правительство под руководством Ахмеда Хильми, чьей главной целью [...] было установление своей реальной власти над Газой и Западным берегом. Но египетское правительство не позволило палестинскому правительству утвердиться в Газе, чтобы не провоцировать израильскую армию и не рисковать оккупацией анклава. Палестинскому правительству пришлось разместиться в Каире, где Хильми», иорданский банкир, «был больше озабочен своими собственными делами, чем делами своего правительства-призрака». Преданный арабскими государствами, продолжает Греш, Хусейни был покинут большинством палестинского руководства, которое раскололось на две группы – проиорданскую и проегипетскую.

Новые поколения националистов в диаспоре

Большинство историков, в том числе палестинских, признают, что в 1930-е годы в палестинском националистическом движении надолго, по мнению Греша, как минимум «на одно поколение», образовался политический вакуум, вызванный британскими репрессиями во время «великого арабского восстания» 1936–1939 годов. Люди из группы, которая возглавит ФАТХ, фактически принадлежат к следующему поколению: они родились в 1930-е годы и, как и сам Арафат, начали свою политическую деятельность в связи с египетскими «Братями-мусульманами» и представителями коренных палестинских элит, представленных Хаджем Амином аль-Хусейни. В 1950-е годы группа вошла в конфликт с панарабистской идеологией «Свободных офицеров» Гамала Абд Насера.

По мнению американского арабиста Уильяма Квандта, сыгравшего определённую роль в переговорах в Кэмп-Дэвиде в 1978–1979 годах, некоторые националистические течения, которые позже объединились в ООП, в частности ФАТХ, были выражением «зажиточной, консервативной и законопослушной буржуазии Газы», которая не пережила потерю своих владений в 1948 году, как в случае Арафата, родившегося в Каире и жившего в Иерусалиме в тече-

ние короткого периода своего детства. Другое крупное течение, Арабское националистическое движение (АНД), состояло из представителей «среднего класса христианского вероисповедания» из центральных и северных районов Палестины, прошедших обучение в Американском университете Бейрута (*"The politics of Palestine nationalism"*, 1973); сильно панарабистское и пронасеровское, АНД также принимало в свой ряды политических деятелей непалестинского происхождения.

Различие между течениями ФАТХ и АНД, по мнению Греша, заключается в особенностях палестинского национализма, которые сводятся к пяти основным аспектам. Первый – это «территориальное распыление» после 1948 года. Военный раздел британского мандата в Палестине привёл к тому, что большинство палестинского населения оказалось под «иорданским, израильским или египетским суверенитетом», а диаспора оказалась в Ливане, Сирии и Персидском заливе. Это рассеяние, говорит Греш, также привело к «социально-экономической дифференциации», когда «палестинская буржуазия» была лишена прямых контактов с преимущественно крестьянским населением в «лагерях беженцев» и в Палестине. Единственная связь осуществлялась через так называемую «иорданскую элиту», т.е. часть традиционной знати, лояльной Хашимитской монархии в Аммане.

Вторая особенность – различные пути формирования националистических движений. Их идеологическая ориентация варьировалась от «панарабистского палестинского национализма» ФАТХа, взявшего за образец алжирский ФНО, до «панарабского национального социализма» АНД, из которого после присоединения движения к ООП возникло несколько конкурирующих с ФАТХом формирований, таких как Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) и Народно-демократический фронт освобождения Палестины (НДФОП).

Третья особенность – выраженный индивидуализм и партикуляризм руководства, весьма характерный для палестинцев, в традиционной социальной структуре которых значительное место занимали клановые, семейные и региональные связи. Четвёртым аспектом стали идеологические расхождения, которые усугублялись высшим образованием палестинской буржуазии: Арафат, как и другие лидеры ФАТХ, учился в Каире; руководство АНД, как уже говорилось, – в Бейруте, в Американском университете.

Формы арабского вмешательства

Наконец, пятый и самый важный момент: «вмешательство арабских стран». По мнению Греша, оно проявляется в двух формах. Открыто, через создание «организаций, напрямую зависящих от арабских режимов»: например, «Сайка» («шторм»), созданная Сирией в конце 1950-х годов; Арабская освободительная армия (АОА), созданная иракским режимом; Исламский фронт освобождения (ИФО), связанный с Саудовской Аравией. Или же это было вмешательство в «косвенной форме», через «альянсы», заключённые в определенное время с той или иной организацией внутри ООП. Исторически насчитывается дюжина палестинских организаций разного размера, по крайней мере шесть из них были «признаны ООП».

По мнению Греша, Арафат, начиная с 1968 года, выбрал «вьетнамский путь», то есть создание широкого фронта на-

ционалистических организаций, объединённых в рамках ООП, вместо «алжирского пути» с гегемонией одной организации (ФНО). Конечно, относительно доминирование ФАТХа признавалось, но «вооружённая ликвидация» других течений, как это произошло с алжирским движением за независимость, была исключена (Alistair Horne, *"The Algerian War"*, 1980). Во Вьетнаме, хотя авторитет ханойского режима, независимого с 1954 года, и был решающим, на Юге в рамках Вьетмина также существовали течения, не связанные с вьетнамской компартией.

Сам Арафат в интервью 1970 года утверждал, что различные организации в составе ООП являлись частью «конфликта арабских наций», в который была втянута и Палестина; это были организации, «связанные с арабскими странами», и «военная конфронтация с ними» означала бы конфронтацию с ответственными странами.

В своей биографии Арафата палестинский христианский журналист Саид Абуриш (*"Arafat"*, Bloomsbury, 1998) отмечает, что руководство ФАТХ, восхищаясь фигурой Насера, в то же время не доверяло ему и обвиняло арабские страны в «ударе в спину» палестинской нации в 1948 году, как ради их собственных государственных интересов, так и из-за «некомпетентности и коррупции» в их армиях. Эту критику Насер использовал против египетской монархии, свергнутой в 1952 году. Кроме того, ФАТХ опасался, что Насер будет использовать палестинский национализм в качестве инструмента египетской внешней политики, прикрываясь лозунгами панарабизма. Насер, в свою очередь, с подозрением относился к связям многих палестинцев в Египте с «Братями-мусульманами», которые в 1948 году воевали в качестве добровольцев в Газе. В 1954 году, после покушения, Насер объявил «Братев» вне закона в Египте.

«Кувейтцы» в ФАТХе

Основатели ФАТХа, включая Арафата, сочли более разумным эмигрировать в Кувейт в разгар нефтяного бума. Этот выбор, по словам Абуриша, позволил фатховцам связаться с представителями палестинской буржуазии, близкими как к местной монархии, так и к катарской. Именно оттуда поступали средства на создание газеты в Бейруте в конце 1950-х годов и на вербовку боевиков для военного крыла, особенно в Ливане.

В Кувейте палестинцы возглавили суверенный фонд нефтемонархии, а в Катаре – получили пост главы Центрального банка. Среди советников катарской монархии были люди из семьи Абу Мазена (Махмуда Аббаса), нынешнего президента ПНА, Палестинской национальной администрации. В круг связей Арафата входил также Ахмед Заки Ямани (1930–2021), исторический министр нефти Саудовской Аравии с 1962 года.

Арафат и руководство ФАТХа, по словам Абуриша, осознавали необходимость поддержки палестинского дела со стороны арабских стран; однако они считали, что смогут договориться, «не ставя себя в зависимость» от «одной арабской страны». Опора на нефтяные доходы, однако, влекла за собой и существенную «идеологическую невнятность»: в программе ФАТХа, кроме освобождения Палестины, не было требований «социальных реформ» или «арабской политики», в отличие от течений, связанных с насеризмом или сирийской и иракской партиями Баас. Такой центризм не вызывал беспокорности у консервативных шейхов Персидского залива, которые за счёт финансирования ФАТХа могли создавать себе «политический противовес»

национализма и нефтемонархий

требованиям национал-социализма в арабских республиках (Египте, Сирии и Ираке). Это не помешало ФАТХу с 1962 года получать финансовую и военную помощь от Алжира, одного из центров арабского радикализма.

Расцвет ООП и ФАТХ, по мнению Барри Рубина, арабиста из Университета Джона Хопкинса, пришёлся на 1970-е и 1980-е годы; множественные связи помогли собирать щедрые пожертвования от нефтемонархий и других арабских государств, что привело к созданию одного из «наиболее финансируемых» националистических движений в мире; в частности, существовал даже 7-и процентный «национальный налог», взимаемый с заработной платы палестинских рабочих в Персидском заливе (B. Rubin, "Revolution until victory?", 1996).

Манипулирование палестинцами и арабские рычаги

По мнению Рубина, «избегая доминирования одного покровителя или конфликтов с арабскими государствами» и придерживаясь линии невмешательства в их внутренние дела, пока арабские государства не вмешиваются в дела палестинцев, «Арафат добился значительной степени автономии для ООП», но также понимал, «что, заполучив арабских правителей в качестве друзей, придётся столкнуться с другими в качестве противников». Поэтому Арафат действовал как «канатоходец», уравновешивая «каждую полученную услугу наклоном в противоположную сторону», чтобы сохранить свою независимость. Сам арабский лидер повторял, что «те, кто стрелял в него, на следующий день целовали его, и наоборот».

Арафат пытался играть на арабских противоречиях и использовать их в своих интересах, увлекая за собой разнородные палестинские фракции, с которыми он постоянно выступал посредником. В процессе этих манипуляций, по словам израильского журналиста Дэни Рубинштейна (D. Rubinstein, "The Mystery of Arafat", 1995), палестинское руководство по меньшей мере дважды «подходило к краю пропасти», а затем, подталкиваемое международными обстоятельствами, погружалось в катастрофу. Предоставление поддержки или отказ в ней, утверждает Рубин, давали арабским режимам «огромные рычаги влияния на ООП», а Сирия и Египет на протяжении 1960-х годов запрещали ей использовать свою территорию для нападения на Израиль. В 1970–1971 годах создание палестинского квазигосударства на территории Иордании, сопровождавшееся антихашимитским радикализмом НФОП и НДФОП, привело к военному столкновению с иорданской монархией. Кульминацией стал «Чёрный сентябрь», стоивший ополченцам ООП от 5.000 до 10.000 жертв и изгнания из Иордании.

В 1975–1976 годах союз с Ливанским национальным движением, возглавляемым друзским лидером Камалем Джумблатом, вовлёл ООП в гражданскую войну в Ливане и столкнул её с Сирией. Кульминацией стала резня в лагере палестинских беженцев, устроенная ополченцами-маронитами, на тот момент союзниками Дамаска. В 1982–1983 годах, во время израильского вторжения в Ливан, ООП была сначала вытеснена с юга страны и из Бейрута, а затем в лагере Сабра и Шатила была устроена резня, причём всё той же маронитской «фалангой», на этот раз союзной Израилю. Осенью 1983 года наступила очередь изгнания из Триполи, в результате осады, возглавляемой сирийской армией; в 1985 году оставшиеся лагеря бежен-

цев подверглись нападению шиитских ополченцев Амаля. Представители ООП были эвакуированы в Тунис под конвоем французского флота.

В 1977–1979 годах Египет после заключения сепаратного мира с Израилем, подписанного Анваром Садатом в Кэмп-Дэвиде, фактически отказался от поддержки ООП, которая была вынуждена восстановить отношения с Иорданией, затем с Сирией и, наконец, с Ираком Саддама Хусейна. Последствием ливанской истории, как отмечает Греш, стало разделение ООП на три части: одну во главе с Арафатом, другую во главе с Абу Нидалем – её поддерживали Сирия и Ливия, которая вела «войну на уничтожение» против руководства ФАТХа с помощью терактов, – и, наконец, ливийскую часть. Поддержка вторжения Багдада в Кувейт в 1990 году стоила ООП помощи со стороны нефтемонархий. Лишь в двух случаях, в Иордании в 1970–1971 годах и в Ливане в 1982–1983 годах, ООП удалось утвердиться в качестве «квазигосударства». Этого не произошло на Западном берегу и в Газе, где попытки партизанского захвата власти терпели неудачу с 1968 года.

«Государство в изгнании» в Бейруте и гражданская война в Ливане

По мнению Роберта Фиска, легендарного корреспондента *The Times* на Среднем Востоке, в Ливане ООП создала своего рода «государство в изгнании», угрожая политическому и конфессиональному равновесию в стране с её «семнадцатью конфессиями, семь из которых были признанными» и, начиная с 1960-х годов, «более чем семьюдесятью вооружёнными формированиями» (R. Fisk, "Pity the Nation: Lebanon at War", 2001).

По словам Абуриша, в Ливане ООП не только получила территориальное убежище, но и создала экономические группы, такие как SAMED³, установившую и автономную связь с финансовыми потоками, проходившими через Бейрут. Арафат, в частности, наладил тесные отношения с «бейрутскими палестинцами»: «людьми мира» с двойными паспортами, которые больше были склонны к левантийской торговле, чем к партизанской войне. Наличие более 300 тысяч палестинцев без ливанского гражданства в лагерях беженцев обеспечивало пополнение рядов партизан для войны против Израиля и, позднее, для долгой гражданской войны в Ливане (1975–1990).

По одной из палестинских оценок, до 1990 года «три четверти жертв среди палестинцев» были вызваны действиями арабов, а не израильскими репрессиями. В Ливане, напоминает Фиск, палестинцы были участниками местных междоусобиц, пострадав от резни в Тель-эз-Заатаре, устроенной христианами фалангистами в 1976 году, за которой последовала жестокая расправа над маронитской деревней Дамур. Тысячи палестинских беженцев были убиты в Сабре и Шатиле в 1982 году боевиками маронитских фалангистов; во время «войны лагерей» в 1986 году настал черед боевиков шиитской партии «Амал», действовавшей от имени Сирии.

Сегодняшний конфликт в Газе с его почти 40 тысячами жертв сместил этот кровавый баланс на сторону правительства в Тель-Авиве. Это последняя по времени из «семи войн» в Газе между ХАМАС и Израилем. Предпосылкой, однако, послужило военное противостояние между ФАТХ и ХАМАС в 2007 году за главенство над палестинским национализмом.

Подтверждение «национального предложения»

Болезненный и кровавый опыт палестинского самоопределения, пусть

оно и реализовалось в ограниченной форме мини-государства, возникшего в результате соглашений в Осло, является доказательством того, как средневеточные буржуазии и великие державы использовали палестинский «национальный предлог» в своих целях, бросив его сегодня под обломками Газы. Тот же поток нефтедолларов, который обеспечил ООП достаточными финансовыми средствами и позволил ей добиться международного признания, в том числе благодаря использованию нефтяного оружия странами Персидского залива, подпитывал различные течения политического исламизма, то параллельно, то вызывая конкуренцию.

Будучи инструментом нефтемонархий как в их борьбе за Средний Восток, так и в соперничестве с иранским шиитским национализмом, доходы от продажи нефти финансируют как исламские ополчения в Афганистане, так и различные «отравленные семена» реакционного терроризма. Среди них и ХАМАС, усиление которого стало также результатом политики «разделяй и властвуй», проводимой израильской буржуазией.

Как напоминает ежедневная газета «Гаарец», до 7 октября ХАМАС, несмотря на подозрения в его связях с «Братьями-мусульманами», перемещался между различными арабскими столицами, по-прежнему пользовался гостеприимством Катара и даже Кувейта и был союзником Египта при маршале-президенте ас-Сиси в его борьбе с террористическими фракциями ИГИЛ и «Аль-Каиды», действующими на Синае. Абуриш утверждает, что Кувейт, Саудовская Аравия и Катар в 1991 году, чтобы наказать ООП за поддержку Саддама Хусейна во время первой войны в Персидском заливе, не только депортировали большое количество палестинских рабочих, но и перекрыли поток финансовой помощи и направили её «палестинским исламистским течениям».

По мнению различных наблюдателей, уже в 1973 году Арафат убедился в невозможности отменить итоги 1948 года. Поэтому, в том числе под давлением «людей денег» – той части палестинской диаспоры, которая выступала в качестве связующего звена с арабскими монархиями и каналом финансирования, – он пришёл к убеждению, что в отношениях с Амманом и Вашингтоном ему необходимо добиваться «дипломатического решения». Конкуренция между палестинскими фракциями вынуждала Арафата действовать по конфиденциальным каналам, чтобы избежать раскола в ООП. Кроме того, на оккупированных территориях зарождался национализм, подпитываемый интеграцией палестинской рабочей силы в израильскую экономику, столь же враждебный к еврейским поселениям на Западном берегу и в Газе, как и к иорданской опеке, учитывая разрыв после «Чёрного сентября» 1970 года. Это течение, укоренившееся на территориях, стало призывать к созданию независимого государства в границах 1967 года – решение, которое было поддержано арабскими монархиями Персидского залива и Египтом.

С 1979 года, после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений, администрация Картера сама выступала за «палестинское национальное самоопределение». Однако потребовалось поражение в Ливане и начало первой интифады, народного восстания на территориях, а также окончание холодной войны и ослабление влияния СССР на часть арабского национализма, что-

бы Арафат смог закрепить за ООП статус политического лидера. По мнению Абуриша, арабские монархии и Египет считали, что карта Арафата была полезна для «сдерживания» палестинского восстания и предотвращения распространения интифады на другие арабские страны.

Это, казалось, делало решение о создании мини-государства жизнеспособным, и в 1993 году были подписаны соглашения в Осло. Однако часть течений той же ООП начала осуждать эти соглашения как продукт влияния «людей денег» и их референтов в Персидском заливе. Свою роль сыграла и проводимая Арафатом политика кооптации путём централизации арабского финансирования, направленная на манипулирование различными течениями. Эдвард Саид (1935–2003), один из самых известных палестинских интеллектуалов, отверг соглашения в Осло как «продажу» палестинского национализма израильскому и американскому диктату, обвинив Арафата в том, что он распоряжается властью, как «вождь африканского племени XIX века». По мнению Абуриша, действия Арафата отражают концепцию власти «базарного торговца», традиционную как для палестинского, так и для арабского общества. В любом случае, подчёркивает Греш, слабость соглашений в Осло, рост конкурирующего национализма ХАМАС, поддерживаемого самим Израилем, и политика Тель-Авива по постепенной аннексии территорий, редко подвергавшаяся критике со стороны Вашингтона, привели к «медленному разрушению» соглашений в Осло и их краху в 2006–2007 годах, с началом гражданской войны между ФАТХ и ХАМАС и последующих «войн в Газе» между исламистской группировкой и Тель-Авивом, начиная с 2008 года. По мнению Греша ("Israel, Palestine", 2024), именно предпоследняя война в Газе в 2021 году закрепила доминирование ХАМАС в палестинском национализме, а также разложение ФАТХ, подорванное слабевшим лидерством Абу Мазена в ПНА и последствиями тактики «разделяй и властвуй», применяемой израильскими правительствами.

Если исход войны изменит эти отношения, всё вновь обернётся игрой между державами, которые решат судьбу палестинцев. На этот раз это будет противостояние между Саудовской Аравией, которая стремится довести до успешного финала соглашения Авраама с Израилем и США, и Ираном во главе с муллами, который перебросил своих прокси-боевиков, чтобы помешать этому. Или же, чтобы в свою очередь добиться договорённости, предусматривающей его ядерный статус.

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

1 – Его отец Анри Куриель происходил из итальянских сефардов, египетским же коптом являлся его отчим.

2 – Так называли сеть, которая собирала и перевозила средства и фальшивые документы для ФНО.

3 – Аббревиатура от Palestine Martyrs Works Society. Первоначально Production Society for the Children of Palestinian Martyrs (Производственное общество для детей палестинских мучеников) – организация, созданная в Иордании в 1970 году с целью предоставления профессионального обучения и экономической поддержки сначала детям погибших в ходе сопротивления, а после 1975 года – всем членам палестинской общины в изгнании. В 1971 году она была переведена в Бейрут и реорганизована.

Крупнейшие группы России в 2023 году

Неравномерное влияние

На третий год после полномасштабного вторжения российского империализма на Украину туман войны отчасти рассеивается, и многие компании, не раскрывшие свою отчётность по итогам 2022 г., опубликовали её по итогам 2023-го. Несмотря на это, впервые с 1995 г. не был опубликован рейтинг 400 крупнейших компаний России по объёму товарооборота, который с 1995 г. составлял журнал “Эксперт”, а затем “Монокль”. Forbes представил лишь гораздо менее показательный список 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли, в топ-5 которого вошли “Роснефть”, Сбербанк, “Сургутнефтегаз”, “Лукойл” и “Новатэк”.

Мы публикуем наш рейтинг, составленный на основе официальной отчётности компаний и других открытых источников.

Лидером по объёму товарооборота в 2023 г. стала “Роснефть”, тогда как “Газпром”, который начиная с 2000 г. почти беспрерывно занимал первую позицию, лишь в 2019 и 2020 гг. уступив её группе Игоря Сечина, оказался на втором месте.

По сравнению с 2021 годом, последним довоенным, в рейтинге появилось 14 новых участников, т. е. он обновился на 28 %. При этом количество групп с оборотом 1 трлн руб. и более увеличилось с 16 до 22, т. е. более чем на треть.

Важные тренды

Британский мозговой центр CEPР (Центр экономических и политических исследований) опубликовал исследование Джамилы Нигматулиной, посвящённое анализу совокупного эффекта санкций на макроэкономику России с 2014-го по 2020 г. Автор, в частности, использует такой параметр как “совокупная факторная производительность” (СФП). Буржуазная экономическая наука ввела его для оценки технологического прогресса экономики стран. Рассмотрев 50 секторов, Нигматулина пришла к выводу, что в 45 из них СФП снизилась, при том, что российские крупные группы и так традиционно были низкоэффективны: у них «было слишком много капитала по сравнению с доходом, который они генерировали». Нигматулина предлагает описание возможного механизма падения СФП экономики России: «При отсутствии государственной защиты санкции улучшили бы производительность российской экономики в целом, отняв ресурсы у фирм, у которых их было слишком много. Однако благодаря государственной защите санкционные фирмы получили ресурсы по сравнению со всеми другими фирмами, а не потеряли их. [...] В результате разрыв в эффективности между подсанкционными и неподсанкционными фирмами увеличился. [...] Другими словами, правительство сохранило целевые компании за счёт всех остальных» (“How US sanctions increased the economic activity of sanctioned Russian firms”, 2022).

После начала украинской войны и введения беспрецедентных санкций этот тренд только усилился.

Вторая важная тенденция, по-видимому, заключается в том, что санкции ускоряют темпы концентрации и централизации капитала: замминистра промышленности и торговли Василий Осмаков заявил, что «сейчас требуется синергия финансового, торгового и промышленного капитала – “чеболлизация” по форме, не по генезису», и привёл в качестве примера отношения банка ВТБ и судостроительной корпорации ОСК (в 2023 г. банку были переданы 100 % ак-

ций компании), а “Газпромбанк” назвал “квазичеболем” (РИА Новости, 04.07.2024).

Единый драйвер – война

Ленин в 1915 г. писал: «Война представляется, как единое национальное дело, – с одной стороны, – с другой стороны, как ненормальность, нарушение “мирного” капитализма etc. [...] Война – “ужасная” вещь? Да. Но ужасно прибыльная вещь»¹.

Действительно, для российского капитала война стала “ужасно прибыльной вещью”. Она – единственный фактор, который смог оживить экономику, стагнировавшую на протяжении десятилетия 2010–2019 гг. Не оставил этот факт без внимания и Сергей Караганов, почётный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике и советник Путина: «Без войны подъёма экономики добиваться не удавалось». И выполняя роль унтер-офицерской вдовы, добавил: «История доказывает – без внешней угрозы наше общество, выросшее на противостоянии ей, не развивается. А то и перерождается» (“Россия в глобальной политике”, 21.11.2024).

Росстат, изучив данные 44,9 тыс. организаций, отчитался, что по итогам 2023 г. их сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в действующих ценах вырос на 35 % по сравнению с 2022 г.

В условиях войны в первую очередь растут доходы *человекоубойной промышленности* – совокупные данные о ней сейчас не публикуются, но крупнейшая группа сектора – “Ростех” – в 2023 году увеличила товарооборот на треть. При этом она теряет позиции на мировом рынке, что признаёт её глава Сергей Чемезов.

Нефтегаз: снижение способности финансировать бюджет

Год назад мы писали о том, что, согласно официальной позиции Брюсселя, санкции были направлены на «ослабление способности России финансировать войну». Сейчас можно сказать, что эта цель частично достигается – так, по данным Минфина РФ, поступления от нефтегазовой отрасли в бюджет по итогам 2023 г. составили 8,822 трлн руб. руб., что почти на четверть меньше, чем в 2022-м (11,586 трлн). При этом доходы бюджета от экспортной пошлины на газ обвалились почти втрое. Товарооборот нефтегазового сектора сократился до 65,8 трлн руб., или на 3,3 %. Добыча нефти в физическом выражении сократилась на 0,8 %, газа (попутного и природного) – на 5,2 %. Производство сжиженного природного газа (СПГ) снизилось на 2,4 %. Экспорт российского газа по трубопроводам упал на 29,9 %. В том числе поставки в ЕС сократились на 25 %, а в денежном выражении – почти в 3 раза.

Разрыв энергетической связи с Европой дорого обошёлся российскому нефтегазу, а его чемпион – “Газпром” – впервые за 25 лет не просто получил убыток, но и стал самой убыточной компанией России (Forbes, 03.10.2024). Основная причина связана «с потерей доли рынка в Европе» (“БКС Экспресс”, 03.05.2024). Эти внешние ограничения вынуждают группу двигаться в направлении диверсификации: «“Газпром” вынужденно становится нефтяной, а не газовой компанией» (Forbes, 08.05.2024).

Мировые факты заставляют “Газпром” обратить внимание и на внутренний рынок. Рассматриваются три сценария его “реформирования”: 1) сохранение статус-кво, влекущее за собой субсидирование внутреннего рынка «на десятки миллиардов долларов ежегодно»; 2) резкая индексация тарифов, которая «обеспечит компенсацию выпадающих

доходов бюджета, стабилизирует на какой-то период финансовое положение производителей газа, но возникнет обратный эффект для конкурентоспособности российской промышленности», а также ускорит инфляцию; 3) развитие внутреннего рынка за счёт технологий и новых методов торговли; оно связано с появлением новых игроков на рынке и поэтому наверняка вызовет наибольшее сопротивление (РБК, 27.05.2024).

У частного чемпиона – “Новатэка” – дела шли гораздо более удачно: он закончил год с чистой прибылью 469,5 млрд руб., что на 11,5 % больше, чем по итогам 2021 г. – однако стоит учитывать, что за период 2022–2023 гг. накопленная инфляция в РФ составила более 20 %.

Но и перспективы “Новатэка” далеки от блестящих: 2 ноября 2023 г. американское Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) объявило о включении в санкционный список “Арктик СПГ 2” – крупнейшего в России проекта по производству СПГ, включающего 3 технологические линии общей мощностью 19,8 млн т, что фактически ставит крест на планах Кремля по достижению производства СПГ в размере 100 млн т к 2030 г., что составляет около 18 % глобального рынка. “Новатэк” также вынужден осуществлять диверсификацию и пробовать другой способ экспортной монетизации газовых запасов – производство не СПГ, а аммиака и его производных.

Нефтяной сектор пережил 2023 г. не с такими плачевными результатами: там технически проще обеспечить обход санкций и сбыт продукта. Добыча нефти и газоконденсата в прошлом году была всего на 0,9 % меньше, чем в 2022-м. Экспорт сократился на 3,3 %. При этом на “дружественные” страны пришлось 86 % экспорта нефти, по сравнению с 40 % в 2021-м, и 84 % экспорта нефтепродуктов по сравнению с 30 % в 2021-м. Объём же закупок российской нефти со стороны “недружественного” ЕС рухнул в 7 раз – с 97,62 до 13,39 млрд долларов (Bruegel, “The European Union-Russia energy divorce: state of play”, 22.02.2024).

Нефтесервисный сектор (OFS) столкнулся с приостановкой инвестиций и поставок технологий от Большой четвёрки (Schlumberger, Baker Hughes, Halliburton, Weatherford), на которую в 2021 г. приходилось около 20 % российского OFS-рынка. Российские же OFS – это в основном малый и средний бизнес, который не может на равных конкурировать в технологиях с мейджорами, что ведёт к срыву планов по повышению коэффициента извлечения нефти и расширению масштабов разработки новых месторождений (“Яков и Партнёры”, “Перспективы развития нефтесервисной отрасли в России до 2030 года”, 2023).

Росатом: устойчивое состояние

В 2023 г. консолидированный товарооборот “Росатома” в открытой части составил 2,6 трлн руб., что на 45,6 % больше показателя предыдущего года. Этот рост был достигнут «преимущественно за счёт увеличения выручки от реализации транспортных услуг, ураносодержащей продукции и услуг по обогащению, приобретённой электроэнергии и мощности, прочих энергоресурсов» (отчёт ГК “Росатом” за 2023 год).

Атомная отрасль пострадала от санкций меньше всего, поскольку интересы США, Европы и России «настолько сильно переплетены», что западные страны не смогут в ближайшем будущем отказать от поставок российского урана, а также от услуг по обогащению ядерного топлива и импорта российских тепловыделяющих

элементов (ТВЭЛ), используемых в качестве топлива в ядерных реакторах (Forbes, 30.09.2024). Но эта зависимость взаимная, т. к. осуществление российских ядерных проектов во многом завязано на западные технологии.

Дополнительные риски для “Росатома” представляют санкции в финансовом секторе: в июле гендиректор компании Алексей Лихачёв сообщил, что США блокируют деньги, которые поступают на строительство АЭС “Аккую” в Турции (“Известия”, 07.07.2024).

Металлургия: жертва санкций на подхвате у ВПК

В 2022 г. чёрная металлургия, только восстанавливающаяся после пандемии, стала одной из главных жертв западных санкций, однако 2023 г. стал для российской металлургии умеренно удачным. Такой результат, опять же, был обеспечен всего одним фактором – войной, что подтверждает министр промышленности и торговли Антон Алиханов: «Несмотря на санкции, коллеги многократно нарастили объёмы отгрузок своей продукции в “оборонку» (сайт Президента России, 15.07.2024). Крупные заказы со стороны ВПК вызвали сильный рост в секторе готовых металлических изделий, и именно обработка стала драйвером экономического роста в прошлом году.

Выпуск же металлургического сырья увеличился всего на 3,3 %, что частично стало следствием проблем с экспортом: в 2023 г. он был на 11 млрд долл. (15 %) меньше показателя 2022 г. В значительной степени это вызвано снижением цен на сталь (15–20 %), алюминий (20 %), никель (14 %) и медь (4 %), а также сокращением поставок на рынки США, ЕС, Китая и Турции из-за санкций и ужесточения конкуренции. Тем не менее металлургия с долей 14 % сохраняет второе – после продукции ТЭК – место в вывозе товаров.

Перспективы отрасли сдержанные: «Давление на потребление стали в России может оказать снижение спроса со стороны строительной отрасли из-за сворачивания программы льготной ипотеки. При этом возможности для перенаправления поставок на экспорт ограничены крепким рублём. Такая ситуация может сохраняться в течение года, предпосылок ни для роста спроса, ни для ослабления рубля пока не видно» (Forbes, 12.08.2024). Кроме того, действуют среднесрочные факторы, понижающие рентабельность российских компаний: конкуренция с китайской и турецкой сталью в сочетании с желанием иностранных покупателей получить хорошие скидки, а также с длинными и затратными логистическими маршрутами.

Банковский сектор: рекордная прибыль

Оптимистичные прогнозы, которые мы приводили годом ранее, полностью оправдались: по итогам 2023 г. банки получили рекордную прибыль в 3,3 трлн рублей (Банк России, “О развитии банковского сектора Российской Федерации”, январь 2024 г.), при этом «чистая прибыль 10 крупнейших банков составила 2,4 трлн рублей, примерно 73 % от общего результата сектора» (Forbes, 01.04.2024), а прибыль одного “Сбера” – почти 1,5 трлн руб., или почти половину прибыли сектора. По прогнозам, концентрация капитала продолжится в силу ослабления из-за новых санкций влияния главного драйвера роста средних банков – проведения международных транзакций. Высокий результат был обеспечен в основном ростом чистых процентных и комиссионных доходов: деловая активность клиен-

ВОЙНЫ

тов оживала, ставки в I полугодии были довольно низкими, реализовался отложенный спрос на кредиты. Поддержку кредитованию оказали и различные государственные программы, в том числе субсидируемая ипотека и льготные кредиты для малого и среднего бизнеса. Сыграло роль и резкое – с 2,5 до 1 трлн руб. – снижение расходов на резервирование по текущим и потенциально проблемным активам. Наконец, лепту в максимальный результат внесла положительная переоценка валютных позиций на фоне ослабления курса рубля – около 0,5 трлн руб. против потерь примерно на 400 млрд руб. в 2022 г. Однако в дальнейшем темпы роста прибыли снизятся, так как эффект всех вышеперечисленных факторов неизбежно будет уменьшаться.

Одним из компонентов, напрямую влияющих на динамику сектора, является ключевая ставка ЦБ. С началом войны она достигла экстремальных размеров, порадовав банкиров, выдающих много кредитов по плавающим ставкам, но при этом оказались недовольны промышленники, застройщики и экспортеры.

Ретейл: экспансия федеральных сетей

Трендом 2023 г. стала экспансия федеральных сетей в плане наращивания торговых площадей: доля 10 крупнейших сетей (X5 Group, "Магнит", Mercury Retail Group, "Лента", "Светофор" и др.) в природе торговой площади увеличилась по сравнению с 2022 г. на 4,4 процентных пункта (до 75,1%), при этом средняя площадь торговых точек сокращается из-за роста количества дискаунтеров и малых форматов, в то время как доля гипермаркетов и супермаркетов в структуре торговой площади снизилась на 1,2 п. п. (до 14,3%) и на 1,1 п. п. (до 9%) соответственно.

Осенью 2023 г. были побиты все рекорды по числу поглощений крупными игроками локальных ретейлеров: «Магнит», X5 Group, «Лента» раскупили сети, работающие в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. В 2022 году у федеральных сетей был органический рост за счёт вытеснения несетевого розницы, но чтобы скупали магазины сотнями и даже тысячами – такого не было» (Forbes, 02.01.2024).

Однако, как мы уже отмечали, концентрация капитала в отрасли по сравнению с ведущими державами по-прежнему остаётся невысокой: в 2023 г. на долю топ-10 ретейлеров (без учёта маркетплейсов) пришлось 29,1% розничного товарооборота без учёта продаж автомобилей и моторного топлива. Сектор далеко не исчерпал источники для роста.

"Рост без развития"

Либералы-алармисты, анализируя экономику России, в последнее время склоняются к концепции "роста без развития", под которой они понимают «количественное увеличение производства давно освоенной продукции за счёт более интенсивного [по-видимому, более напряжённого] использования имеющегося оборудования» без технологического прогресса ("Важные истории", 13.11.2024). Это абсолютизация одной из многих черт капитализма. В действительности продолжается его "нормальное" неравномерное развитие, сопровождаемое диспропорциями, откатами назад и разрывами, скачками вперёд, а также войнами, которые являются его имманентной характеристикой. Положить им конец человечество сможет только в рамках нового, более высокого общества.

Ноябрь 2024 г.

Крупнейшие группы России в 2023 году

Изменение места в рейтинге	Место в рейтинге 2023 г.	Группа	Сектор	Собственность	Объём реализации в 2023 г.		Изменение (%)	Чистая прибыль в 2022 г.		Изменение (%)
					(млн руб.)	(млрд руб.)		(млн руб.)	(млрд руб.)	
+1	1	НК "Роснефть"	Нефть и газ	Государственная	9163000,0	9163,0	1,35%	813000,0	1267,0	55,84%
-1	2	"Газпром"	Нефть и газ	Государственная	8541818,0	8541,8	-26,83%	1311645,0	-629,1	(-)
Н	3	НК "ЛУКОЙЛ"	Нефть и газ	Частная	7928303,0	7928,3	н.д.	790120,1	1155,0	46,18%
-1	4	Сбербанк	Банки	Государственная	3391100,0	3391,1	3,97%	270500,0	1508,6	457,71%
-1	5	X5 Retail Group	Розничная торговля	Частная	3145859,0	3145,9	20,75%	52248,0	90,3	72,80%
+1	6	РЖД	Транспорт	Государственная	3017500,0	3017,5	34,55%	н.д.	170,1	51,00%
+1	7	"Ростех"	Холдинг	Государственная	2900000,0	2900,0	37,05%	39000,0	60,1	54,10%
+3	8	Группа ВТБ	Банки	Государственная	2750000,0	2750,0	72,77%	-674400,0	420,6	(+)
=	9	"Росатом"	Холдинг	Государственная	2572000,0	2572,0	45,31%	н.д.	н.д.	н.д.
-5	10	"Магнит"	Розничная торговля	Частная	2544689,0	2544,7	8,19%	27933,0	66,1	136,77%
-1	11	"Вайлдберриз"	Розничная торговля	Частная	2500000,0	2500,0	49,79%	10100,0	18,9	87,13%
-6	12	"Сургутнефтегаз"	Нефть и газ	Частная	2218771,2	2218,8	-4,90%	60700,0	1334,1	2097,90%
-1	13	"Татнефть"	Нефть и газ	Государственная	1599449,0	1599,4	12,07%	284903,0	288,0	1,09%
Н	14	"Новатэк"	Нефть и газ	Частная	1371508,0	1371,5	н.д.	н.д.	463,0	н.д.
Н	15	АК "Транснефть"	Транспорт	Государственная	1330899,0	1330,9	10,48%	242585,0	296,5	22,23%
-3	16	ГМК "Норильский никель" (1)	Металлургия	Частная	1292318,7	1292,3	11,71%	401288,0	257,4	-35,86%
+1	17	"Газпромбанк"	Банки	Государственная	1226478,9	1226,5	44,23%	9108,5	178,9	1863,84%
+32	18	"Меркурий Ритейл Холдинг"	Розничная торговля	Частная	1150000,0	1150,0	20,40%	49200,0	24,6	-50,00%
-4	19	"Русал" (1)	Металлургия	Частная	1095363,2	1095,4	14,35%	122909,0	25,3	-79,42%
-3	20	Сибур холдинг	Химическая и нефтехимическая промышленность	Частная	1086987,0	1087,0	н.д.	н.д.	168,5	н.д.
-5	21	АФК "Система"	Холдинг	Частная	1045869,0	1045,9	16,84%	18823,0	-23,6	(-)
Н	22	ГК "Мегаполис"	Оптовая торговля	Частная	1000000,0	1000,0	2,72%	21600,0	25,8	19,44%
Н	23	"Газстройпром" (2)	Нефть и газ	Частная	963000,0	963,0	-18,39%	-77600,0	8,9	(+)
Н	24	НЛМК	Металлургия	Частная	933435,0	933,4	3,62%	166441,0	209,0	25,59%
+1	25	"Яндекс"	Телеком	Частная	800000,0	800,0	53,35%	47615,0	27,4	-42,46%
Н	26	ММК	Металлургия	Частная	763390,0	763,4	9,08%	70174,0	118,2	68,41%
Н	27	"Северсталь"	Металлургия	Частная	728314,0	728,3	6,76%	108361,0	193,9	78,92%
-7	28	"АнС Групп" (2)	Розничная торговля	Частная	726800,0	726,8	21,74%	37645,0	42,2	11,98%
-9	29	"Ростелеком"	Телеком	Государственная	707800,0	707,8	13,00%	35250,0	42,3	20,00%
-11	30	"Сахалинская энергия" (2)	Нефть и газ	Частная	629349,0	629,3	96,89%	134298,0	315,3	134,77%
-6	31	"Лента"	Розничная торговля	Частная	615923,0	615,9	14,61%	4850,0	-1,8	(-)
-6	32	МТС	Телеком	Частная	606000,0	606,0	13,50%	32597,0	54,6	67,50%
Н	33	"Леруа Мерлен Восток" (3)	Розничная торговля	Частная (иностранн. капитал)	605070,6	605,1	н.д.	н.д.	28,5	н.д.
Н	34	ГК ПИК	Строительство	Частная	585273,0	585,3	н.д.	н.д.	52,4	н.д.
-6	35	"Русгидро"	Электроэнергетика	Частная	569300,0	569,3	21,50%	19325,0	32,1	66,11%
-13	36	ТМК	Металлургия	Частная	544265,0	544,3	-13,50%	41929,0	39,4	-6,07%
+11	37	"Алгоритм топливный интегратор"	Оптовая торговля	Частная	518200,0	518,2	79,51%	-30,0	1,1	(+)
+6	38	"ТКС Холдинг"	Банки	Частная	488000,0	488,0	33,00%	20225,0	80,9	300,00%
+7	39	"Полюс" (1)	Горная промышленность	Частная	484316,8	484,3	64,70%	111849,0	155,1	38,64%
-13	40	"Т Плюс"	Электроэнергетика	Частная	483400,0	483,4	10,74%	20900,0	15,3	-26,99%
-13	41	"Дж. Т. И. Россия"	Табачная промышленность	Частная	480000,0	480,0	11,42%	43503,0	47,2	8,50%
Н	42	ОАК	Машиностроение	Государственная	476502,0	476,5	31,73%	-23708,0	-34,8	(-)
Н	43	"Металлоинвест"	Металлургия	Частная	454054,0	454,1	-13,63%	105262,0	68,2	-35,17%
-12	44	Россельхозбанк	Банки	Государственная	454036,0	454,0	17,13%	5042,0	31,8	530,70%
-11	45	Московский кредитный банк	Банки	Частная	454021,0	454,0	25,48%	7467,0	59,8	700,56%
-11	46	ГК "Мегафон"	Телеком	Частная	444043,0	444,0	11,39%	27911,0	40,0	43,25%
-16	47	"Филип Моррис сэйлз энд маркетинг" (2)	Табачная промышленность	Частная	440190,0	440,2	10,07%	4909,0	6,3	28,13%
-26	48	"Фосагро"	Химическая и нефтехимическая промышленность	Частная	440000,0	440,0	-22,74%	184714,0	104,0	-43,70%
-19	49	"М.Видео"	Розничная торговля	Частная	434390,0	434,4	7,93%	-10299,0	-6,6	(-)
-9	50	Трансмашхолдинг	Машиностроение	Частная	411800,0	411,8	30,84%	-4552,0	10,5	(+)

Примечания: для банков речь идёт о сумме процентных доходов (до вычета расходов), комиссионных доходов и непроцентных доходов за вычетом расходов по операциям с ценными бумагами и иностранной валютой; "(+)" – прибыльна в 2023 г.; "(-)" – убыточна в 2023 г.; н.д. – нет данных; "(=)" – место в рейтинге осталось неизменным; "(Н)" – компания отсутствовала в рейтинге 2022 г.; (1) отчётность представлена в долларах США, данные пересчитаны в рубли по официальному курсу доллара, установленному ЦБ РФ на 31.12.2023; (2) отчётность по РСБУ; (3) отчётность представлена в евро, данные пересчитаны в рубли по официальному курсу доллара, установленному ЦБ РФ на 31.12.2023.

Народ и миллиардеры

Парадоксальна судьба мигрантов, которые после стольких лишений, рискуя жизнью, причаливают к берегам богатой Европы: от них стремятся избавиться политики-временщики, иногда это вызывает трагедии, а порой выглядит как мерзкий фарс, но их же требуют предприниматели, испытывающие нехватку рабочих рук.

Неотложная нехватка и иммигрантский ресурс

В Италии Конфиндустрия в своём «Докладе-прогнозе на осень 2024 года» отчётливо отражает тенденции в области нехватки рабочей силы. Это оценка вызывает интерес, поскольку она касается не будущих десятилетий, а ближайших пяти лет, уже стартовавших (2024–2028), то есть проблем *сегодняшнего* дня.

В докладе говорится, что в первой половине 2024 года 70 % компаний испытывали трудности с поиском персонала, что является одним из «узких мест конкурентоспособности, [которые] ставят под угрозу экономический рост» в ближайшие годы. Существует проблема «качественного несоответствия между спросом и предложением рабочей силы», связанная с потребностями в замещении новых профессий, которые порождены «двойным переходом», электрическим и цифровым. Но ещё важнее «количественное несоответствие», вызванное демографическим спадом, а также «нехваткой работников из стран, не входящих в ЕС», что свидетельствует о том, что растущая конкуренция за привлечение иммигрантов является реальной проблемой.

Конфиндустрия приводит точные расчёты, основанные на данных ISTAT: в период до 2028 года в Италии будет наблюдаться нехватка как минимум 1,3 миллиона работников, и это с учётом притока 150 тысяч иммигрантов в год, предусмотренного последним указом о миграционных потоках. В докладе предполагается, что повышение уровня занятости на два процентных пункта, т. е. увеличение числа работающих молодых людей и женщин, позволит заполнить 730 тысяч мест. Однако, даже если согласиться с этим предположением, 610 тысяч вакансий всё равно останутся незакрытыми. Это означает, что необходимо принимать 120 тысяч иммигрантов в год сверх запланированных 150 тысяч, таким образом число прибытий составит 270 тысяч, и это каждый год! Об этом нужно помнить.

Тревогу Конфиндустрии разделяет и Federmeccanica¹. В своём сентябрьском «Обзоре экономического положения» («Indagine congiunturale») ассоциация подтверждает, что предприятия в металлообрабатывающем секторе испытывают трудности с закрытием 70 % вакантных мест, и уточняет «качественный» аспект: из них 48 % с требованиями базовых/традиционных технических навыков и 27 % с требованиями передовых/цифровых навыков. Короче говоря: «синие воротнички», технические работники и «белые воротнички» – кадровый голод затрагивает все профессиональные категории.

Эти данные должны быть известны работникам сектора, которые все эти месяцы ведут тяжёлую борьбу за обновление коллективного договора: потребности нанимателя – это рычаг,

который можно и нужно использовать, чтобы усилить свои требования по заработной плате.

В «Социальном обзоре 2023» INPS приводит другую интересную статистику о труде иммигрантов: в указанном году иностранные работники составляли 10,7 % застрахованных в институте социального обеспечения, но, как отмечается, их доля среди новых принятых на работу сотрудников превысила 25 %. Это позволяет заглянуть в будущее рынка труда в такой метрополии, как Италия.

Квалифицированная рабочая сила

Что касается «качественного несоответствия», то некоторые сведения содержатся в «Статистическом докладе иммиграции 2024», подготовленном исследовательским центром IDOS. 35 % иностранцев, не являющихся гражданами ЕС, имеют «избыточную квалификацию» для выполняемой ими работы: таким образом, существует резерв работников, которые при соответствующей подготовке могли бы выполнять более сложные задачи, которые на сегодня вакантны.

Наряду с этим растёт посещаемость школ: в 2022/23 учебном году в средних школах обучалось 228 тысяч иностранных учеников, что составляет 8,4 % от общего числа учащихся (в Ломбардии – 12,7 %, то есть каждый восьмой). 38,5 % выпускников поступают в университеты: в указанном году в них обучалось 22,8 тысяч иностранных студентов, что на 45 % больше, чем десятилетием ранее. И на этом направлении иммигранты также становятся незаменимым компонентом.

Наконец, растёт квота на получение гражданства: около 200.000 человек в 2022 и 2023 годах. «Новые итальянцы – как коренные жители, так и иммигранты – в основном выпускники школ и в значительной степени – университетов». Это стало бы ещё одной веской причиной для решения вопроса о гражданстве – вопроса, который, вспыхнув мимолётно этим летом, снова погрузился на самое дно парламентской политики.

Нехватка дипломированных специалистов в период 2024–2028 годов также поддаётся количественной оценке – 30 тысяч человек ежегодно (*Il Sole-24 Ore*, 23 сентября). Bankitalia указывает на нехватку врачей и медсестёр: 50 тысяч первых и 24 тысяч вторых потребуется только для замены выходящих на пенсию в следующем десятилетии. Однако для развития территориальной медицины, предусмотренной Национальным планом восстановления и устойчивости, потребуется ещё 20 тысяч медсестёр и 6,3 тысячи врачей (*la Repubblica*, 6 ноября). Иммигранты и дети иммигрантов станут резервом, который нужно развивать, а не отвергать.

Обучение и отбор

Всё это возвращает нас к вопросу об обучении. Во Франции национальное агентство по профессиональному обучению взрослых (AFPA) запустило программу, предназначенную специально для беженцев, с 3-месячной языковой подготовкой и 6-месячным контрактом на работу/учебу. Об этом сообщает *Le Monde* от 5 ноября. Среди участников программы – завод Peugeot в Сошо, где

Раздаются стоны и вздохи по поводу того, что Дональд Трамп – миллиардер, которого поддерживают миллиардеры, главный из которых – эксцентричный магнат электромобилей и ракет. Это олигархи Америки, шипят изумлённые обозреватели, ссылаясь на путинский двор: либеральная демократия в опасности. Возможно, грубые манеры народного риелтора и рассуждения о неоспоримом верховенстве президентской власти действительно повлияют на равновесие и разделение властей в Америке. Это серьёзная сторона вопроса для американской буржуазии и других, как нам ещё предстоит увидеть. Что же касается сущности *их политики* – быть на службе у миллиардеров, – то демократия с этим прекрасно справляется, так что её функция. Вспомним о *народных банкирах* (прежде всего Амадео Джаннини), *вращающихся дверях* между финансовыми центрами и правительством, через которые приходят и уходят министры и советники всех администраций, демократических или республиканских. Одна из первых вещей, которым учит марксизм: демократия – это «лучшая оболочка» для господства капитала. Энгельс говорил об этом на примере той же Америки, с её *прямым подкупом чиновников и союзом «между правительством и биржей»*. Всё именно так.

Что касается народа, то 29 % проголосовали за республиканцев, 28 % – за демократов, 1 % – за разных «фриков», при этом 42 % не приняли участие в выборах, отказавшись или так как лишены права голоса; около 20 миллионов мигрантов работают, но не имеют прав. Массы наёмных работников предпочли не выбирать между двумя спектаклями – риелтора, мечущего грома в баре и прокурора, которая не способна избавиться от образа радикальной калифорнийки.

На итальянских и европейских выборах абсентеизм большинства класса также стал закономерностью: достаточно взглянуть на цифры в Умбрии и Эмилии. У нас нет иллюзий по поводу того, что отторжение от *их политики* может стать преимуществом для нас. Наш класс как никогда заражён ядами господствующих идеологий, тем более что экономические и военные конфликты готовят гремучую смесь протекционизма и национализма, на Старом континенте сдобренную мифами о европейском суверенитете. Хорошо, что на спектакле *телевизионной демократии* не было аншлага, но этого мало. Следует продолжать интернационалистскую борьбу.

работает 6 тысяч сотрудников 58 различных национальностей. Министр промышленности Франции Марк Ферраччи отмечает: «Без иммиграции мы бы не знали, что делать промышленности». Он – «доктор Джекил» французского правительства, потому что «мистер Хайд» делает всё, чтобы остановить на границе молодых суданских, эритрейских, сомалийских или афганских беженцев – таких же, что работают сегодня в Сошо.

С другой стороны, даже «лучшие образцы» в этой области имеют свои слабые места. Прежде всего, это цифры: программа охватывает только около тысячи беженцев в год. Но также мотивация предприятий: компании не предлагают французским работникам зарплату, на которую те рассчитывают, поэтому они прибегают к помощи иммигрантов, используя их более слабое положение. Словом, налицо ещё один пример сегрегации в оплате труда.

В Италии существуют программы обучения за рубежом для отраслей с особым дефицитом кадров, таких как судостроение, но они касаются 1.280 человек, «мизерного числа» (IDOS).

Германия уже давно имеет дело с феноменом иммигрантской рабочей силы, ещё со времён гастарбайтеров послевоенных лет. Тогда это были европейцы (итальянцы, испанцы и т.д.) или турки. Сегодня они приезжают со всего мира, многие из них – беженцы, спасающиеся от кризисов и войн. Основное внимание уделяется трудоустройству всех этих людей, причём с разными результатами. По словам главы Агентства по тру-

доустройству Даниэля Терценбаха, среди сирийских беженцев, прибывших в Германию в 2015 году, 64 % трудоустроены (75 % среди мужчин), в то время как среди украинцев этот показатель ниже, отчасти потому, что они прибыли недавно (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 21 мая). Уровень занятости среди них составляет 30 % (*Die Zeit*, 10 октября).

Расширение горизонтов

Тем не менее, европейской буржуазии всё чаще придётся задумываться о необходимости трудовой интеграции иммигрантов. «Грозный вид», демонстрируемый ради электората, не может перевесить потребность в рабочей силе из числа иммигрантов. Более того, этот же «грозный вид» может быть полезен для отбора мигрантов в соответствии с потребностями капитала – если, конечно, на то будет воля и способность.

Европейские рабочие должны осознать, что из-за рубежа приезжают товарищи, которые являются частью нашего класса, укрепляют его численно, привносят молодую кровь и тем самым позволяют нам расширять горизонты.

Если так, то и ленинистская партия должна использовать новую реальность как рычаг для укрепления интернационализма, для его укоренения в европейской метрополии, откуда она сможет обращаться ко всему миру.

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

1 – Федерация итальянской металлообрабатывающей промышленности.

Межклассовая драматургия крестьянской жакерии

Мы публикуем серию статей наших французских товарищей из газет *L'Internationaliste*.

В статье «Экономический, политический и военные циклы в новой стратегической фазе и в цикле атлантического упадка» («Пролетарский интернационализм» № 55, март 2019) мы говорили о «моменте “Что делать?”». Тогда ситуация характеризовалась кризисом “жёлтых жилетов”, развернувшимся в контексте определения целей электрического поворота европейской автомобильной промышленности. Это был один из тех моментов, «в которых с необычайной ясностью проявляется взаимосвязь мирового экономического и политического цикла – борьбы капиталов и держав на глобальном рынке – со столкновением между группами и фракциями на внутренней сцене, а также с политическими силами и с используемыми ими идеологиями и социальными психологиями». Можно ли говорить о таком моменте в нынешнем протесте фермеров?

Жакерии и “Зелёный курс”

В последние недели в разных странах Европы прошло множество акций протеста фермеров. Каждая из них отличалась сочетанием национальных и европейских требований (реформа Единой сельскохозяйственной политики (ЕСХП), разработка “Зелёного курса”). В преддверии европейских выборов в июне и в контексте континентальной реструктуризации эти события особенно ярко продемонстрировали существование европейского политического цикла. Эти протесты перетасовывают политические традиции и позволяют всем фракциям буржуазии использовать их в качестве рычага на переговорах о темпах и масштабах “Зелёного курса”.

Во Франции несколько тысяч фермеров перекрыли главные дороги. Как и в случае с кризисом “жёлтых жилетов”, демонстрации вызвали большой резонанс в СМИ, несмотря на небольшие масштабы.

Все оппозиционные партии поддержали движение фермеров, и даже само правительство оправдывало его, признавая за ним определённую легитимность. Оно не направило полицию для разгона блокад и пыталось координировать свои действия с профсоюзом FNSEA (Национальная федерация профсоюзов фермеров), крупнейшим в секторе. Кризис утих через две недели, когда правительство объявило о выделении около 400 миллионов евро на помощь и налоговые льготы, а также об отмене некоторых ограничений и запретов на использование пестицидов. Французские протестующие выступали против переговоров о торговом соглашении с МЕРКОСУР и импорта продуктов из Украины. По этим вопросам Макрон вновь высказался против соглашения о свободной торговле, попросил поставить “Зелёный курс” на паузу, а Еврокомиссия решила внести изменения в порядок импорта из Украины.

Организованная отрасль

В отличие от движения “жёлтых жилетов”, протесты фермеров носят ярко выраженный корпоративный характер и, как правило, управляются влиятельными организациями. Почти половина фермеров являются членами FNSEA. Эта организация вовлечена в правительственную процедуру установления

французских стандартов в рамках европейского законодательства, а также участвует в каналах распределения значительных континентальных и национальных субсидий для этого сектора.

Однако FNSEA сталкивается с конкуренцией со стороны левой “Крестьянской конфедерации” и близкой к крайнему правому “Сельской координации”. Марин Ле Пен официально поддержала последнюю, даже назвав её единственной реальной организацией мелких фермеров, в отличие от FNSEA, которая связана с крупными фермерами и агропромышленным сектором. Национальное объединение активно действовала в ходе кризиса, включив сельскохозяйственный вопрос в свою критику Европы и либеризма, а также в риторику о защите окраинных «забытых территорий». “Крестьянская конфедерация” и “Сельская координация” насчитывают несколько тысяч членов, но на секторальных выборах они набирают почти по 20 % голосов каждый.

Восстание началось спонтанно в регионе Окситания, а затем было возглавлено и направлено FNSEA. В средствах массовой информации был раскручен образ мелкого фермера, разорённого иностранной конкуренцией и ценовым давлением со стороны агробизнеса и крупных групп ритейла. Однако вполне вероятно, что гораздо более крупные сельскохозяйственные предприятия и сами агропромышленные группы воспользовались протестом, чтобы получить преимущества и улучшить свои позиции на переговорах с властями.

Эти протесты исходят от особенно субсидируемого сектора. Газета *Le Monde* говорит о «парадоксах мира, находящегося под капельницей»: «все крупные развитые страны помогают своему сельскому хозяйству». В 2022 году размер ЕСХП составил около 58,3 миллиарда евро, из которых 9,5 миллиарда достались Франции, её первому бенефициару. Католическая газета *La Croix* пишет, что эти суммы составляют «более 50 % доходов фермеров континента».

Реструктуризация европейского сельского хозяйства

Нормы и субсидии способствуют концентрации и конкурентоспособности сельскохозяйственной системы, пытаясь при этом смягчить социальные последствия. По данным доклада “European food chain” агентства Евростат, мир сельского хозяйства переживает глубокую реструктуризацию. В Европе насчитывается 9,1 миллиона фермерских хозяйств, что почти на 5,3 миллиона меньше, чем в 2005 году. Сокращение особенно заметно среди мелких ферм, в то время как число крупных растёт. На сектор также влияет демографическое старение: 33,2 % руководителей старше 65 лет.

Сельскохозяйственный сектор – лишь одно из звеньев продовольственной цепи: по оценкам Евростата, добавленная стоимость сельского хозяйства составляет 173,9 миллиарда евро, в то время как в пищевой промышленности она достигает 226,8, в ритейле – 293 и в общественном питании – 107,2. С точки зрения торговли, в 2022 году ЕС экспортировал продовольственных товаров на 222 миллиарда евро, а импортировал на 192.

По сравнению с сельским хозяйством пищевая промышленность и сектор ритейла являются особенно концентри-

рованными. Отсюда вечные жалобы крестьянской мелкой буржуазии на подчинение крупным капиталистам, которые устанавливают стандарты и определяют цены. Мелкий предприниматель ежедневно осознаёт, что его “независимость” – всего лишь миф и что он – не более чем один из элементов общественного капитала.

Сельское хозяйство во Франции

Франция также переживает углубление процесса концентрации в сельскохозяйственном секторе. В книге Франсуа Пюрсегля и Бертрана Эрвьё “Земледелие без земледельцев”, опубликованной в 2022 году, приводится интересная статистика. В 1970 году насчитывалось 1.587.600 ферм, а в 2020 году – 389.000. Число предпринимателей сократилось на 27,5 % в период с 2010 по 2020 год. В то же время наблюдается «впечатляющий» рост сельскохозяйственного пролетариата, который часто недооценивается статистикой. Он затрагивает все сектора: не менее 731.000 человек наняты непосредственно фермерами и 185.700 – через компании по трудоустройству. По данным авторов, на долю «семейных» ферм сегодня приходится лишь 37 % от общего числа, однако именно этот социальный образ был выдвинут на первый план во время недавних протестов. Средняя площадь сельскохозяйственных угодий увеличилась на 50 га только в период с 1970 по 2020 год и на 27 га с 2000 по 2020 год. Сегодня она составляет 69 га.

В 1982 году у 60 % фермеров жёны были зарегистрированы как крестьянки. К 2019 году этот показатель снизился до 19 %, поскольку стало нормой, что жёны фермеров работают вне фермы. Заработок, получаемый супругой вне фермы, теперь составляет почти половину общего дохода фермерских домохозяйств. Таким образом, то, что мы называем *семьей с несколькими источниками дохода*, присутствует и в сельском хозяйстве. Следует отметить, что элемент заработной платы становится важным в этих домохозяйствах.

Приведённые данные отнюдь не свидетельствуют о тенденции к обнищанию, а, напротив, иллюстрирует общий рост сектора. Действительно, мелкие фермерские хозяйства страдают – но такова их участь в условиях капиталистического режима, – однако, по данным Института статистики Insee, медианный чистый капитал фермеров (за вычетом ипотеки) в конце их карьеры составляет 510.500 евро. Валовые активы с 2004 по 2015 год выросли более чем в два раза и составили в среднем 1.040.000 евро. «За 30 лет реальные цены производителей упали на 30 %, а доходы фермеров удвоились, в то время как количество ферм сократилось вдвое».

Однако следует отметить, что французский сельскохозяйственный сектор, несмотря на общий рост, находится в относительном упадке. Будучи основным производителем в ЕС, “ферма-Франция” в 1970–1980-х годах занимала второе место в мире по экспорту после США, а сейчас опустилась на шестое. Её обогнали Нидерланды, Германия, Бразилия и Китай. Роль экспортёра означает, что некоторые игроки в этом секторе получают выгоду от соглашений о свободной торговле, в том числе потенциально и от соглашения с МЕРКОСУР. Этот момент подчёркивается в крупных газетах, которые в целом не

возражают против перспективы заключения торгового соглашения.

Оппортунизм

То, что авторы цитируемой книги называют «нормализацией» сельского хозяйства, не является чем-то новым для марксизма. Ленин очень ясно говорит об этом в “Развитии капитализма в России”. Торговая экономика основана на разорении мелких производителей – прежде всего за счёт «разложения крестьянства», – на углублении общественного разделения труда и на концентрации. «Торговое земледелие превращается уже в капиталистическое, так как размеры посева у зажиточных крестьян превышают рабочую норму семьи (т. е. то количество земли, которое может обработать семья своим трудом), заставляя их прибегать к найму рабочих»¹; «Земледелие таким образом само становится промышленностью»².

С точки зрения социализма, нет ничего нового в том, что оппортунизм проявляет часть своей реакционной сущности в аграрной тактике. Мы уже писали об этом в статьях “Социал-демократия и аграрная политика” (см. приложение к нашей газете за октябрь этого года). Но что примечательно в этом кризисе, так это полное отрицание экологической и республиканской левой самого существования аграрного пролетариата, который, к тому же, находится на подъёме. Эти партии сосредоточились на защите хозяйчиков, которые отчасти испытывают трудности и отчасти находятся в процессе концентрации.

Мы же находим в этом кризисе подтверждение фундаментальных характеристик капиталистического накопления и новые элементы объективного увеличения силы пролетариата. Сегодняшний «момент “Что делать?”» – это оппозиция любому межклассовому маневру и любому варианту идеологий, используемых группами и фракциями правящего класса в политическом цикле европейского империализма.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 3. С. 63.
2 – Там же. С. 58.

**Реакционный терроризм,
империалистический
европеизм, коммунистический
интернационализм**

272 стр., твердый переплёт,
примечания,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Политическая непредсказуемость усиливается

Опросы, опубликованные перед началом кампании европейских выборов, подтверждают тенденции последних нескольких месяцев: макронизм отступает, а «Национальное объединение» (НО) усиливается. Эти выборы пресса преподносит как решающий момент как для будущего макронизма, поскольку Эмманюэль Макрон не сможет вновь баллотироваться в 2027 году, так и для лепенизма, переживающего свой подъём. Действительно, именно эти два политических движения добиваются наилучших результатов на общенациональных выборах, таких как эти, в то время как так называемые «традиционные» партии обычно побеждают на локальных выборах. Опросы общественного мнения не обязательно предсказывают результат голосования, но они определяют тактику и влияют на все политические расклады.

Увеличивающийся разрыв

Согласно масштабному совместному исследованию Института Ipsos для *Le Monde*, Центра политических исследований Sciences Po, Фонда Жана Жореса и Института Монтеня, НО получит 31 % голосов против 18 % за партию Макрона «Возрождение». На европейских выборах 2019 года ультраправые получили 23,34 % против 22,42 %, доставшихся президентскому большинству. *Le Monde* пишет, что «борьба на равных между двумя партиями рискует превратиться в одиночный отрыв».

За этим дуэтом следует Социалистическая партия (СП), которая может получить 11,5 %, за ней – «Зелёные» с 8,5 %, далее «Республиканцы» и «Непокорённая Франция» (НФ) по 7 %. Марион Марешаль, кандидат от партии «Отвоевание», которую также возглавляет Эрик Земмур, получит 5 %. Участие электората в голосовании оценивается в 42–46 %.

Жиль Финкельштейн из Фонда Жана Жореса, близкого к Социалистической партии, наблюдает «впечатляющее сжатие макронизма». Большинство переориентируется на свою основную группу – пенсионеров и обеспеченных людей. Аналитик социал-демократических взглядов, Финкельштейн считает, что для умеренных левых открывается пространство: «Из изначально центристской партии «Возрождение» превратилось в классическую правоцентристскую партию буржуа и пожилых, немного напоминающую «Союз за французскую демократию» в 1980-е годы – партию бывшего президента Франции Валери Жискара д'Эстена, – но без укоренения на местах».

Генеральный директор Ipsos Брис Тентюрье полагает, что НО укрепляется в своих социальных бастионах и что ей удаётся расширить своё влияние на средний класс. Следует отметить, что в приведённом анализе не учитывается географический фактор и что нет никаких признаков того, что НО добивается успехов в крупных городских агломерациях. Однако если партии удастся расширить своё влияние на более богатые социальные слои, то она получит надежду пробить электоральный стеклянный потолок, который для неё пока существует.

Непредсказуемость

Другой опрос, проведённый по заказу «Республиканцев» и просочившийся в *Le*

Monde, даже предполагает возможность нового рывка для НО в случае роспуска Национального собрания: партии понадобится добавить всего 11 мест, чтобы получить абсолютное большинство.

Хотя опросы подобного типа ненадёжны, они всё равно представляют интерес. НО уже наделало шум на парламентских выборах в 2022 году, воспользовавшись агонией так называемого «Республиканского фронта» на выборах с двухтуровой мажоритарной системой. Эта система была разработана для того, чтобы не допустить к власти радикальные партии и способствовать созданию умеренных коалиций. Тенденция к фрагментации и электральной нестабильности по-прежнему очень сильна во Франции, что подпитывает непредсказуемость.

Утверждение евроскептиков

Так или иначе, в общественном мнении НО уже, кажется, «нормализовалось». При этом движение Ле Пен ведёт кампанию вокруг евроскептических тем. Лидер списков и председатель партии 28-летний Жордан Барделла выступает за демонтаж некоторых европейских политик. Хотя НО больше не выступает за «Фрексит» или выход из еврозоны, оно призывает к пересмотру Шенгенских приглашений и единого рынка. Оно также выступает решительно против развития единой европейской дипломатии и обороны, к тому же отвергает реализацию общей политики в области энергетики.

Вопрос о членстве в НАТО также остаётся подвешенным. Партия говорит о выходе не из организации, а лишь из объединённого военного командования Альянса, которое Франция уже покинула в 1966 году при президентстве де Голля, а затем вновь присоединилась в 2009 году при президенте Саркози. Несмотря на атлантистский импульс после начала войны на Украине, партия осталась на своих позициях.

Внешние разногласия

В этой связи консультативное голосование, организованное в Национальном собрании по поводу недавнего двустороннего соглашения о безопасности между Францией и Украиной, выявило разногласия во французской политике. На фоне всё более жёсткой позиции Елисейского дворца по отношению к России президентское большинство рассчитывало превратить эти парламентские дебаты в кампанию против политических течений, выступающих за сближение с Москвой. Дебаты выявили раскол среди левых. НФ и Французская коммунистическая партия (ФКП) проголосовали против соглашения, а «Зелёные» и СП – «за». Правые также проголосовали «за». НО воздержалось. Текст получил поддержку широкого большинства голосов. Организации, не проголосовавшие за соглашение, обосновали это тем, что они не согласны с перспективой вступления Киева в НАТО и ЕС, содержащихся в двустороннем соглашении о безопасности, а не с общей необходимостью помогать Украине в войне.

Марин Ле Пен, чья партия в прошлом финансировалась российским банком, близким к властям в Москве, по-прежнему занимает позицию недоверия к США. В интервью газете *Le Monde* она заявила, что Америка – «наш союзник, но

нам нужно пересмотреть условия этого сотрудничества: союзник – это не друг, и по некоторым вопросам он может вести себя как конкурент или даже противник».

Однако, несмотря на эти убеждения в дипломатической сфере, игра, похоже, открывается на уровне Европейского парламента. По мнению *Le Figaro*, «большие манёвры крайних правых» уже начались. Хотя Европейская народная партия (ЕНП) и социал-демократы, скорее всего, останутся ведущими группами в следующем парламенте, возможно, что «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР) и «Идентичность и демократия» (ИД) вместе получат больше, чем ЕНП и социал-демократы. Как утверждает консервативная газета, мы можем увидеть более гибкую игру и рост числа коалиций, меняющихся в зависимости от проектов.

Пресса сообщает, что Марин Ле Пен может отделиться от своего союзника Маттео Сальвини, чьё движение входит в ту же группу ИД в Европарламенте, и сблизиться с Джорджей Мелони из ЕКР. При этом НО открыто дистанцируется от своего немецкого союзника «Альтернатива для Германии» (АдГ).

Сокращение бюджета

Эти события вписываются в контекст новых бюджетных рамок, ставших более ограничительными. Правительство объявило о своей финансовой программе и планирует снизить дефицит ниже порога 3 % ВВП в 2027 году при неизменном уровне долга. В 2023 году дефицит был близок к 5 %, а в 2024 году ожидается его снижение до 4,4 %.

По мнению *Le Monde*, этот план недостаточно амбициозен. Франции потребуются на два года больше времени, чем большинству европейских стран, чтобы вернуться к уровню 3 %: «эта задержка значительно ослабляет её европейское лидерство». Уже 50 лет подряд правительство представляет дефицитный бюджет. «Метод правительства заключается в том, чтобы систематически видеть стакан наполовину полным. Экономический рост, инфляция, процентные ставки, сберегательная способность – все гипотезы основаны на радужном сценарии, который не разделяет ни один институт экономического анализа». Газета продолжает: «К 2027 году стоимость долга скакнёт до [...] 84 миллиардов евро, что на 160 % больше, чем в 2021 году! Это более чем в два раза превышает сумму, выделенную в этом году на финансирование экологического перехода».

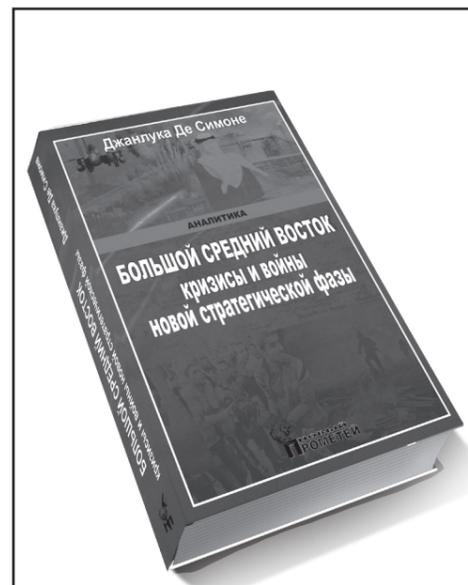
Пьер Московиси, первый председатель Счётной палаты, согласен с этим анализом. Его учреждение занимается проверкой счетов государства и служб безопасности, а также оценкой государственной политики, выпуская рекомендательные отчёты. В интервью *Les Echos* Московиси утверждает, что цель правительства далека от реализации. Бюджетная траектория «не имеет запаса прочности, поскольку предположения, на которых она основана, очень оптимистичны». Для её достижения потребуется «беспрецедентная в новейшей истории экономия: Счётная палата оценила её в 50 миллиардов евро в период с 2025-го по 2027 год», чего будет «ещё сложнее достичь, поскольку долговые расходы растут, а потребности в инвестициях, особенно в экологический переход, значительны». По его мнению, до-

верие к Франции в Европе может быть ещё больше подорвано.

Жан-Пьер Робен, экономический обозреватель *Le Figaro*, подчёркивает, что всем президентам Пятой республики «рано или поздно приходилось сталкиваться с необходимостью жёсткой экономики». Она была «конституирующей» для нового режима, установленного в 1958 году, когда был запущен стабилизационный план Пине – Рюэфа. «Общий знаменатель генерала де Голля, Помпиду, Жискара д'Эстена и Миттерана – «планы жёсткой экономики» – устроили настоящую драму: франк девальвировался, госрасходы сокращались, налоги росли и, как ритуал, происходило обращение к сбережениям французов путём эмиссии «больших кредитов». Однако «в середине 1990-х годов произошёл резкий разрыв в связи с глобализацией и появлением евро». С этого момента стало выгоднее находить финансирование на рынках, а девальвация стала невозможной. По мнению Робена, защитная природа евро создаёт в общественном мнении впечатление несоответствия между экономическими результатами и финансовой ситуацией: «больше нет никакого «внешнего принуждения», как говорили в прошлом веке». Со своей стороны добавим, что это не так и что, наоборот, связь с мировым рынком и «внешнее принуждение» зависят теперь именно от посредничества европейских институтов, единой валюты и единого европейского рынка.

Предстоит выяснить, повлияет ли предстоящее сокращение бюджета и окончание курса Макрона на борьбу с пандемией «любой ценой» на текущий политический баланс и усилится ли политическая непредсказуемость во Франции, одном из столпов европейского империализма.

Lotta comunista, март 2024 г.

Джанлука Де Симоне

**Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы**

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Сражения за государственные расходы

В контексте европейской предвыборной кампании, помимо традиционных вопросов идентичности и безопасности, дебаты ведутся вокруг сроков экологического перехода и необходимости увеличения расходов на оборону континента в контексте войны на Украине. В прессе почти ежедневно появляются сообщения о том, что различные секторы экономики настаивают на принятии такого «Зелёного курса», который способствовал бы росту и суверенитету ЕС. Похоже, что всплеск инфляции после пандемии и конфликта на Украине может дать массовую базу – электоральный резонанс – этим требованиям к пересмотру экологических целей.

Во Франции в последние недели в центре дискуссии были, в частности, бюджетные трудности правительства и, соответственно, его способность гарантировать увеличение инвестиций в энергетический переход и в вооружённые силы.

Ухудшение финансовой ситуации

Исполнительная власть вынуждена была официально заявить, что дефицит бюджета в 2023 году будет выше, чем ожидалось. Он достигнет 5,5 % ВВП, тогда как ранее прогнозировалось в размере 4,9 %. Рост оказался слабее ожидаемого, поэтому и налоговые поступления оказались ниже. Открывается политическая борьба за масштаб мер по экономии. Правительство заверило, что не будет повышать налоги и сохранит цель по снижению дефицита ниже 3 % в 2027 году.

В редакционной статье деловая газета *Les Echos* пишет, что у исполнительной власти есть два варианта: «Либо правительство не соблюдает бюджетные обязательства, как и многие другие до него, либо оно их соблюдает». Но в последнем случае «оно рискует убить рост». Автор статьи Жан-Марк Виттори предсказывает: «чтобы избежать этого худшего сценария, Франция будет уклоняться, обещать сделать то, чего не сделает, и позволит своему дефициту расти».

Выступая на этих дебатах, глава Банка Франции Франсуа Виллеруа де Галье предупреждает правительство о необходимости контролировать государственные расходы. Но «речь не идёт об объявлении жёсткой экономии и общем сокращении государственных расходов: цель должна состоять в том, чтобы окончательно стабилизировать их объём». Этот сановник европейской буржуазии поддерживает представленный Энрико Леттой план создания «союза сбережений и инвестиций». Тем не менее, он предупреждает французскую исполнительную власть, что, даже если европейские бюджетные возможности вполне здоровы, «мы должны отказаться от этой старой, очень французской манеры перекладывать наши бюджетные проблемы на Европу». Таким образом, «когда придётся переходить к необходимым мерам дисциплины, у нас будет больше авторитета при обсуждении вопросов восстановления Германии и европейских инвестиций». Так или иначе, это «не может быть предварительным условием для нашего восстановления».

Европейская дилемма

По мнению *Le Figaro*, перед лицом растущих процентных ставок европей-

цы должны решить дилемму: «Переворужиться или сохранить социальное государство». «Без финансирования со стороны ЕС для одних времён будет тяжелее, чем для других». Газета сообщает, что если в 2014 году только три страны достигли показателя в 2 % ВВП на оборону, а в прошлом году – 11, то в 2024 году его должны достичь все «23 страны-члена ЕС, так и НАТО». Это означает «350 миллиардов евро ассигнований, что почти в два раза больше, чем три года назад».

По данным Евростата, ЕС-27 «в 2023 году потратили 280 млрд евро на оборону, тогда как двумя годами ранее – 184 млрд». Низкий уровень задолженности северных стран и Германии может позволить им наверстать упущенное в военных инвестициях. Другие семь государств, включая Францию, уже тратят больше на выплату процентов по государственному долгу, чем на оборону.

Нам кажется, что эти дебаты на протяжении многих десятилетий были сквозной темой французской политической истории, вращаясь вокруг вопросов о сохранении своего «статуса» и о кошмаре падения. Как исправить бюджетную и экономическую слабость Франции по отношению к её основным конкурентам и партнёрам – постоянная тема её политического дискурса. Французский вопрос, похоже, стал зеркальным отражением немецкого вопроса. В процессе строительства Европы Париж боится остаться на обочине, в то время как Германия придёт к власти со своим статусом доминирующей державы континентального империализма.

Французский вопрос

Этот вопрос, глубоко характеризующий французскую политическую культуру, имеет давние корни. До XIX века значительный демографический вес и политическая централизация давали Франции поводы к мечтам о континентальной гегемонии, но британская промышленная революция, а затем объединение Германии свели на нет наполеоновскую концепцию «Великой нации» – в конечном итоге её стали упоминать только иронически, высмеивая французское самоназвание.

Перед лицом экономической и демографической динамики других европейских стран, а затем и с восхождением Соединённых Штатов, Франция была обречена на постоянные попытки устранить собственную экономическую отсталость, чтобы сохранить статус державы. Сегодня это положение заставляет французскую буржуазию вступить в союз с Германией и укреплять европейский империализм в условиях кризиса порядка и восхождения Азии.

Однако следует отметить, что тема упадка Франции часто преувеличивается как в «политической» полемике, так и для того, чтобы подтолкнуть программу реформ, направленную на повышение конкурентоспособности.

В статье «Частичная реструктуризация в долг по немецкому образцу» («Пролетарский интернационализм» № 94, июнь 2022 г.) мы отмечали неоднозначную динамику. С одной стороны, в последние десятилетия Франция была одной из европейских стран, в которой доля промышлен-

ного сектора в ВВП упала сильнее всего. Торговый баланс находится в минусе. Однако, с другой стороны, мы отмечали, что Франция является европейской страной с наибольшим количеством дочерних компаний в мире. Таким образом, финансовая мощь крупных групп способствует в значительной степени сокращению дефицита счёта текущих операций благодаря доходам, получаемым от этих инвестиций за рубежом. Этот аспект редко упоминается в дебатах о французской силе.

Региональная динамика

К этому можно добавить несколько фактов о динамике региональной экономики, которая также неоднородна. Европейский взгляд отражён в последней публикации Индекса региональной конкурентоспособности (RCI) 2023, где отмечается, что «столичные регионы часто являются наиболее конкурентоспособными на национальном уровне, за некоторыми исключениями (Германия, Италия и Нидерланды)». «Разрыв между столичным регионом и другими регионами страны может быть, однако, значительным», и это характерно «особенно для Франции». С этой точки зрения следует отметить, что Парижский регион важен не только в национальном масштабе, но и является одним из важнейших экономических полюсов европейского империализма в целом: «Индекс показывает, что провинции Утрехт и Южная Голландия, а также Иль-де-Франс являются наиболее конкурентоспособными в ЕС».

Документ «Франция в двенадцати портретах», опубликованный в 2021 году Национальным агентством по территориальной сплочённости (ANCT), содержит статистические данные на национальном уровне. С точки зрения демографии, «зонами роста являются регион Иль-де-Франс», «прибрежные районы Атлантического океана (от Бретани до Новой Аквитании)», а также «юго-восточный сектор и приграничные с Швейцарией и Германией районы».

В таких мегаполисах, как Нант, Бордо, Монпелье, Тулуза, Ренн и Страсбург «увеличились темпы роста населения», но это также относится к городам Брест и Сент-Этьен. «Рост численности населения также подтверждается в пригородах этих городов».

Районы, переживающие спад, «ранее сосредоточенные в Центральном массиве и регионе Шампань», распространились по диагонали, которая идёт «от Арденн до Лота, а также на западе (центральная Бретань, Нижняя Нормандия), а также в некоторых горных районах Альп и Пиренеев».

Производство и доходы

Что касается динамики производства, то в документе подчёркивается контраст между Севером и Югом. В северной половине страны значительная часть занятых работает на «крупных предприятиях» с числом работников от ста человек. «В основном в зонах занятости к северу от линии Нант-Безансьон доля работников, занятых на крупных предприятиях, составляет более 30 %, вплоть до 36 % на самом севере страны». На Юге, напротив, «этот показатель составля-

ет менее 30 % во всех зонах занятости за исключением крупных городов – Бордо, Тулузы, Монпелье, Марселя, Клермон-Феррана и Лиона. Этот контраст частично объясняется тем, что промышленные предприятия, как правило, крупнее, чем предприятия в сфере торговли и услуг, и что их больше на севере, чем на юге». Другими словами, это означает, что мелкая буржуазия имеет больший социальный вес в южной половине страны.

Анализируя распределение доходов, ANCT утверждает, что «у французов один из самых высоких медианных располагаемых доходов» в ЕС, «близкий к показателям скандинавских стран, Германии, Бельгии и Нидерландов». В определённой степени это корректирует некоторые тезисы об «упадке» страны.

Особенностью Франции является то, что неравенство между регионами относительно невысоко по сравнению с другими членами ЕС. Такая сравнительная однородность, по сути, является результатом центральной роли государственной власти в присвоении и перераспределении части богатства (субсидии, государственная занятость, пенсии и т. д.).

После нескольких лет высокого дефицита государственного бюджета правительство столкнулось с необходимостью сократить расходы и одновременно гарантировать новые инвестиции, которые должны быть масштабными. Государственные бюджеты, а значит, и широкая коалиция статус-кво в обществе, окажутся под угрозой. Тем более, что предыдущая фаза расширения расходов не смогла взять под контроль голоса соврашников.

Lotta comunista, апрель 2024 г.

Арриго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

Европейский соврализм в долг

Высокий уровень бюджетного дефицита Франции, достигший 5,5 % ВВП в 2023 году, вызывает дискуссию о том, сколько стране придётся заплатить политически на европейской арене. Тот факт, что в подобной ситуации оказалось европейское правительство, вызывает страхи перед возможным нарушением равновесия, которое обострится в случае победы на выборах «популистских» сил.

Ухудшение бюджетной ситуации

В этой связи в статье Эльзы Конеса в *Le Monde* рассматривается реальная опасность, которую чрезмерные государственные расходы в конечном итоге представляют для французского империализма. Мы уже отмечали, что для парижских дебатов стало нормой драматизировать экономические трудности страны, которая находится в *относительно упадке*. То же относится и к дебатам о долге: главная опасность будет носить не экономический, а политический характер, с риском оказаться в изоляции на европейской арене.

Le Monde пишет, что «основные показатели государственных финансов на самом деле свидетельствуют о том, что положение Франции хуже, чем у её европейских соседей, на чисто бюджетном уровне». Более высокий дефицит есть только у Италии. В последние годы большинство южноевропейских стран, наиболее пострадавших от финансового кризиса, пошли на «*принудительное лечение* [бюджетной] консолидацией». Хотя за последнее десятилетие Париж ускорил программу «структурных» реформ, он всё равно столкнулся с «увеличением бюджетного дисбаланса».

Политические риски

Однако Франция, похоже, не повторяет историю Греции в 2010 году или Великобритании при Лиз Трасс в 2022-м. По мнению парижской газеты, страна обладает хорошими «возможностями фискального изъятия», а инвесторы слишком зависимы от национального долга, чтобы подвергать его риску. С учётом большого количества располагаемых активов, рынки считают, что правительство сможет воспользоваться сбережениями в случае кризиса. Но, прежде всего, «Франция также занимает центральное политическое и географическое положение в Европе, что делает её «системной» страной, подобно некоторым международным финансовым институтам». Она «слишком велика, чтобы потерпеть крах». Согласно *Le Monde*, «этот факт является своего рода негласным, но гигантским преимуществом, которым страна и её лидеры не кичатся, а используют втихую, с молчаливого согласия инвесторов. Этот особый статус до сих пор защищал страну. Ни у кого нет желания испытывать европейский проект на прочность».

Проблема в том, что столь выгодное положение Франции подпитывает её бюджетные привилегии. В Европе может возникнуть настоящее недоумение по поводу сложившейся ситуации. Оно может объединить «бережливые» страны Севера и страны Юга, которые прошли через некоторую форму жёст-

кой экономии. Газета добавляет, что «эта фрустрация также распространяется, причём всё больше, на Восточную Европу, куда смещается геополитический центр Европы, где активный рост переживают Польша и страны Балтии».

Неравномерное развитие в Европе

Хотя аргумент о том, что центр тяжести ЕС или НАТО сместился на восток, может показаться преувеличением, быстрое экономическое развитие региона сегодня является объективным фактом, который, в сочетании с конфликтом на Украине, имеет политические последствия. Французская пресса уделила этому вопросу много внимания по случаю 20-летия вступления в ЕС нескольких стран региона. Как замечает *Les Echos*, «ЕС-10» – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Литва, Латвия, Эстония, Словения, Мальта и Кипр, – вступившие в объединение в 2004 году, увеличили население ЕС почти на 20 %. Деловая газета утверждает, что их выход на общеевропейский уровень был стремительным: в Чехии и Словении ВВП на душу населения в 2022 году составил 90 % от среднего показателя по ЕС, лишь незначительно отставая от Италии (97 %). Литва находится на уровне 89 %, Эстония – на уровне 85 % (близко к Испании – 86 %), тогда как Польша достигла 79 %, то есть того же уровня, что и Португалия.

Согласно отчёту Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), к которому обращается *Le Monde*, в восьми восточноевропейских странах ЕС-10 доля экспорта в ВВП увеличилась с 49 % в 2003 году до 76 % в 2023-м. Это свидетельствует об их интеграции в международные цепочки поставок, особенно связанные с Германией. Следует также отметить, что с качественной точки зрения этот экономический рост имеет сильную промышленную составляющую. Однако пресса сожалеет, что экономический рост не привёл к купированию *совралистских* импульсов в этой части континента.

Как бы то ни было, Франция, отношения которой со странами Восточной Европы и расширением ЕС в целом долгое время были двойственными, теперь должна принять во внимание новые равновесия.

Европейский суверенитет

Новая ситуация в ЕС и НАТО заставляет реагировать французский сегмент европейского империализма. В период президентства Эмманюэля Макрона Франция нарастила свои экономические, политические и оборонные инициативы в отношении стран Северной и Восточной Европы.

Последствия последних шагов Франции для международной политики и безопасности рассматриваются в другой статье этой газеты. Здесь же мы можем сосредоточиться на эволюции идеологий и партийных позиций в рамках европейского нового политического цикла.

По словам Гийома Табара из *Le Figaro*, во второй речи в Сорбонне 25 апреля Макрон использовал «понятия «суверенитет» и «протекционизм»», но имея в виду «масштаб европейского простран-

ства, а не каждой отдельной нации». Этот семантический сдвиг не следует воспринимать как абсолютный. Макрон выступает за укрепление политических инструментов, но не стремится к всеобщему протекционистскому перевороту. При этом мы уже отмечали, что вопрос европейского суверенитета станет той точкой, на которой сойдутся традиционный европеизм и евроскептические силы.

В этой связи Франсуаза Фрессо в *Le Monde* утверждает, что «разделительная линия между теми, кого после европейских референдумов 1992 и 2005 годов называли лагерем «за» и лагерем «против», стала более проницаемой». Таким образом, поскольку ЕС, «построенный на идеалах мира и процветания, столкнулся с войной и острой конкуренцией между великими державами, условия дебатов за несколько лет сильно изменились». Концепция суверенитета «стала ценностью, разделяемой многими; протекционизм, который был прерогативой лагеря «нет», больше не отвергается целиком лагерем «да»; принцип свободной конкуренции, на котором было основано функционирование единого рынка, теперь должен подстраиваться под необходимость защиты интересов Европы». Это сделает борьбу с крайне правыми «более трудной», чем во времена Жан-Мари Ле Пена.

Голлизм Национального объединения

Представитель этого политического течения Жордан Барделла, лидер Национального объединения (НО) на европейских выборах, стабильно лидирует в опросах. Недавно он сделал умный ход в отношении стратегической ориентации своей организации. В интервью *Politico* он заявил, что, хотя он и желает, чтобы Франция покинула объединённое командование НАТО, это произойдёт только после того, как конфликт на Украине будет урегулирован: «Предложение, которое мы всегда поддерживали, не учитывало войну». Однако «нельзя менять договоры в военное время». Эта позиция отражает сильную голлистскую традицию и в то же время хочет послать европейской буржуазии сигналы, свидетельствующие о прагматизме и гибкости в стратегических вопросах.

По мнению политолога Люка Рубана, в электоральном плане «НО восстанавливает голлистское наследие. Люди, выросшие в рамках этого течения, слушая речь Жордана Барделлы о роли государства, могуществе Франции и её роли арбитра в международных конфликтах, узнают в нём себя. НО предлагают такой голлистский компромисс и в вопросе выбора между сильным государством и свободой предпринимательства».

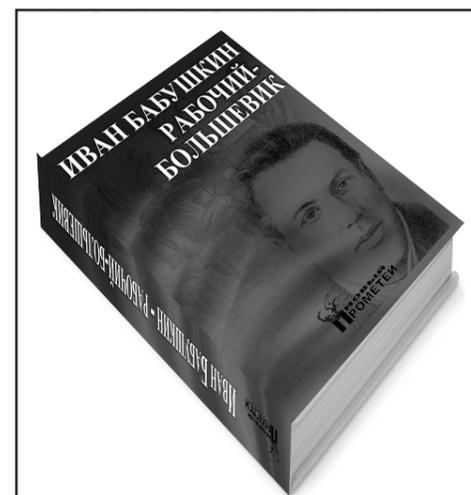
Мы бы добавили, что, несмотря на утверждения о переходе бывшего электората ФКП на север и восток страны на сторону НО, эти регионы были историческими бастионами голлизма. Голлизм также был силён в прибрежных районах юго-востока, которые также оказывают существенную поддержку движению Ле Пен.

Судя по опросам, тактика ультраправых, похоже, приносит плоды. Нормализация НО идёт полным ходом. Либеральная газета *L'Opinion* отмечает «большой

перелом среди пенсионеров». Газета сообщает, что Патрик Бюиссон, близкий к ультраправым эссеист, бывший политический советник Николя Саркози, Жан-Мари Ле Пена и его дочери Марин, указал на существование более непроницаемого барьера, чем фронт республиканцев: это пенсионеры. *L'Opinion* отмечает, что этот барьер тем более прочен, поскольку «каждый пятый француз старше 65 лет, а каждый десятый – старше 75», и эти пожилые люди «массово участвуют в выборах». В зависимости от типа выборов и количества абсентеистов «они составляют от трети до более чем половины избирателей». Если раньше они отвергали «крайности», то теперь их всё больше привлекает НО. По заявляемым электоральным предпочтениям среди людей старше 70 лет, партия Марин Ле Пен следует за партией Макрона «Возрождение». Газета добавляет, что, помимо возраста как такового, существуют и поколенческие эффекты: «В ближайшие годы у НО будет ещё больше шансов завоевать долю рынка среди пенсионеров, поскольку вчерашние предпенсионеры [...] уже стали старше», и «именно в возрастной группе 50–64 года НО добивается самых высоких результатов».

Можно предположить, что мы являемся свидетелями глубокого укоренения и гибридации политического течения Ле Пен. Всё менее вероятно то, что его представители будут и дальше отстранены от участия в государственных делах. Годы высокого дефицита не снизили их потенциал. Новая проевропейская ориентация или, напротив, евроскептическая радикализация этого течения может иметь решающие последствия для всего европейского политического цикла.

Lotta comunista, май 2024 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.